

Денис Драгунский

Обманщики

Только что придумали человека —
и сразу убивать? Это нечестно.

Проза Дениса Драгунского

Денис Драгунский

Обманщики

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Драгунский Д. В.

Обманщики / Д. В. Драгунский — «Издательство АСТ»,
2021 — (Проза Дениса Драгунского)

ISBN 978-5-17-145016-8

Вы умеете удивляться? Если уже разучились, новая книга Дениса Драгунского как раз для вас. В этих рассказах все как в жизни: начинается с очевидного, а заканчивается невероятным. И нам остается, смеясь, качать головой: неужели и такое бывает, причем с самыми обычными людьми? Все бывает, говорит Денис Драгунский. «Обманщики» – это собрание неожиданностей: здесь есть веселое, трагичное, парадоксальное, тайное... Нет места только снобизму и скуке.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-145016-8

© Драгунский Д. В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Обычная нормальная жизнь	6
A Bit of Warmth	13
Долгая короткая история	17
В зеркалах	19
Взгляд, полный любви	21
Соблазн	23
Нежность	27
Женя, Женя и Москва	30
Бальзам на раны	34
Город, улица, дом и квартира	40
Всё впереди	43
О ненависти и любви	47
Страхи	49
Нормалевич-Нормалявичус	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Денис Викторович Драгунский
Обманщики
Рассказы и маленькие повести

* * *

© Драгунский Д. В.
© ООО «Издательство АСТ»

Обычная нормальная жизнь *Пять остановок на автобусе*

Чудесным летним днем 1960 года молодой человек в светлой рубашке с короткими рукавами, но все же с галстуком – стоял перед калиткой в каменном заборе. Это была недалёкая окраина Москвы; дом с улицы не был виден. Молодой человек посмотрел на часы и вспомнил наставление мамы: «Прийти раньше – не значит прийти вовремя». Ему было назначено на семнадцать тридцать. Было семнадцать двадцать семь.

Он дотерпел, пока стрелка встанет против точки, и нажал на кнопку звонка. Прислушался. Ничего не услышал, тем более что по улице как раз проезжала машина. Хотел нажать еще, но решил, что это будет невежливо. Лучше подождать минуту.

Скоро он услышал быстрые легкие шаги.

– Кто здесь? – спросил женский голос.

– К Дмитрию Леонидовичу, – сказал он. – Окунев Станислав, журнал «Наука и знание».

Калитка отворилась, и красивая, почти молодая женщина сказала:

– Заходите! – Протянула ему руку: – Калерия Павловна. А вас как по отчеству?

– Станислав Игоревич, а можно, а лучше просто...

– Просто Стасик? – подхватила она и неожиданно потрепала его по плечу. – Идемте, Стасик! За мной.

По дорожке, мощенной желтым камнем, он пошел за ней, продолжая чувствовать на своем плече тепло ее сильных пальцев.

Кругом был стриженный газон, тут и там украшенный маленькими клумбами и цветущими кустами. В отдалении, под навесом, стоял автомобиль, большой и черный, похожий на ЗИС, но на радиаторе было что-то другое, не рубиновый флажок, а какая-то фигурка вроде серебряной собаки. Дорожка обогнула небольшую рощицу – кажется, это были липы, – и уже за деревьями был дом – квадратный, двухэтажный, с плоской крышей.

Калерия Павловна, стройная и узкобедрая, молча шагала в двух шагах впереди. На ней было красивое летнее платье и плоские туфли на босу ногу. Поверх платья была накинута тончайшая кофточка; на воротничке выскочила и отогнулась наружу этикетка, и глазастый Стасик тут же увидел иностранные буквы. Импортная, значит. И вообще все вокруг – и газон, и кусты, и мощеная дорожка – было какое-то не наше. Странно было, что это маленькое поместье («не меньше, чем полгектара!» – прикинул он) расположилось, можно сказать, прямо в самой Москве, пять остановок на автобусе от конечной станции метро.

Он почувствовал непонятную настороженность, но потом подумал: «А ничего! Так даже интереснее!»

Это было очень лестное редакционное задание – взять интервью у академика Алданова, крупнейшего ученого, Героя Соцтруда, лауреата Ленинской и трех Сталинских премий, который внес важный вклад... ну, сами понимаете во что! В развитие химии! А дальше – тсс!

Стасик вообще-то хотел написать о другом академике, но главный редактор поднес ему кулак к носу и сказал, чтоб он забыл ту фамилию. Но зато намекнул: если интервью с Алдановым получится, можно будет подумать над книгой о нем. Как бы ЖЗЛ. «Но он ведь живой!» – возразил Стасик. «Ну и хорошо. О живых тоже пишут, еще как! А умрет – тем более». – «Вас понял!» – «Алданов не сильно засекречен, – объяснил главный редактор, – и это большая удача. А так-то на самом деле великий ученый. Лучше иных засекреченных».

* * *

– Посидим здесь. – Калерия Павловна показала на диван в углу просторной гостиной. – Дмитрий Леонидович сейчас придет, он говорит по телефону с коллегой. Наташа! – крикнула она куда-то в даль коридора. – К Дмитрию Леонидовичу пришел журналист! Я, кажется, предупредила!

А сама села на тот же диван, по-молодому натянув платье на колени, и почему-то засмеялась:

– Вам сколько лет, Стасик? Что оканчивали?

– Двадцать шесть. Факультет журналистики.

– Ах, так вы гуманитарий? – засмеялась еще громче. – Как же вы собираетесь беседовать с академиком Алдановым? О чем?

– Интервью будет не о предмете его исследований, разумеется, – вежливо, но уверенно объяснил Стасик. – О роли науки в строительстве социализма. Даже шире, о роли ученого в жизни общества. О науке и морали. А также какие-то личные черточки.

– Наука и мораль! – всплеснула руками Калерия Павловна. – С ума сойти!

Вошла девушка в белом фартуке, внесла большой поднос. На подносе стояла ваза с фруктами, фарфоровая корзиночка с конфетами, тарелки, салфетки и ножички в специальной стойке.

Фрукты были невиданно прекрасные: апельсины, груши, персики, абрикосы и ананас, нарезанный кусочками, которые были выложены на длинный лоскут его колючей шкурки. От запаха ананаса защекотало под языком.

– Кофе или чай? – спросила горничная.

– Кофе, если можно.

– По-турецки или в кофейнике?

– Все равно.

– Наташе тоже все равно! – строго сказала Калерия Павловна.

– Тогда в кофейнике.

– Молоко, сливки?

– Нет, спасибо.

* * *

Академик Алданов пришел минут через десять. Он оказался мил, прост, дружелюбен и остроумен. Похож на свою фотографию из книги «Советская наука на службе мира и прогресса». Большие, широко расставленные глаза. Пестро-седая шевелюра. Добрая улыбка. Мягкое теплое рукопожатие. Персик ел, как яблоко, – кусая сбоку, обливаясь соком, вытирая подбородок льняной салфеткой и чуть-чуть любясь собой.

Потом пошли к нему в кабинет, на второй этаж. Стасик осматривался, запоминал широкую лестницу, просторный коридор, филенчатые двери, тройное окно, огромный письменный стол, книжный шкаф размером в стену.

Сидели на креслах вокруг журнального столика. Алданов скупно и четко отвечал на вопросы. Говорил, что атомная бомба – это вынужденный ответ СССР на агрессивные планы империализма и что будущее – за освоением космоса, за АЭС и ЭВМ. «Вот три кита прогресса!» Ну и еще химические удобрения и полимеры, разумеется: новые дешевые и сверхпрочные материалы. Стасик не удержался и задал стандартный вопрос – а вдруг мощные ЭВМ все пересчитают и ученым будет нечего делать? Алданов ответил столь же стандартной притчей о том, что научное знание – это остров в океане неведомого, и чем больше этот остров,

тем длиннее его береговая линия, то есть границы непознанного. «Вы меня поняли?» Стасик понял, но это было скучно.

Но зато как оживился Алданов, когда Стасик стал расспрашивать его просто о жизни, особенно о школе и студенчестве! Алданов вырос в Нахичевани, но не в Нахичеванской АССР, а в пригороде Ростова-на-Дону с таким названием. Двор, дети, друзья и враги, драки и влюбленности, мама и папа, дед и бабка, голуби и рыбная ловля, школа и гениальный учитель математики. У академика сияли глаза. Казалось, его впервые за много лет расспрашивают о простых вещах, о его детстве и юности и он счастлив. Вот тут-то Стасик и заикнулся о большом биографическом очерке – и Алданов с радостью согласился.

Стасик понял, что судьба его решена.

* * *

Они спустились в столовую ужинать. Калерия Павловна уже сидела за столом. Горничная Наташа стояла в дверях.

– Товарищ Окунев Станислав Игоревич, – объявил академик, – теперь будет моим Эккерманом. – Повернулся к Стасику: – Вы знаете, кто такой Эккерман?

– Знаю, – сказал Стасик, но постеснялся прямо сразу брякнуть «друг Гёте» и сказал аккуратнее: – Биограф великого поэта и ученого, Иоганна Вольфганга...

– Правильно! – хлопнул Алданов ладонью по скатерти. – Рюмочку? Коньяк, водку или бокал вина?

– Спасибо, нет.

– Тоже правильно! Я тоже не пью. Вообще!

Горничная Наташа подошла справа и положила Стасику большую котлету. Потом стала накладывать гарнир – мелко нарезанную обжаренную картошку, горошек и какие-то зеленые стебли, сваренные в масле.

Было как-то даже слишком вкусно и сытно.

Не дождавшись чая, Алданов вдруг встал и сказал Стасику:

– Начнем работать прямо завтра в девять ноль-ноль. У меня президиум в половине второго, так что успеем что-то набросать. Наташа, спасибо за ужин. Принесёте нам завтрак прямо ко мне в кабинет.

Встал, помахал рукой Калерии Павловне и вышел.

Стасик подумал, что это какое-то невероятное везение, что его журналистская карьера уже сделана – но была крошечная даже не обида, а изумление: как, однако, Дмитрий Леонидович им распорядился, быстро и беспрекословно. А он тут же на все готов. Но как иначе? Идиотом надо быть, и невежей вдобавок. Тем более он ведь сам предложил, то есть попросил, а академик согласился диктовать ему свою биографию! Так что нечего дурака валять.

Горничная принесла чай и тарелку пирожных. Они остались с Калерией Павловной вдвоем.

Была уже половина десятого. Стасик встал и сказал, что ему пора бежать. Ведь завтра с утра надо будет опять приезжать, а это довольно далеко от дома. То есть от квартиры, где он живет у дяди.

– Господи! – всплеснула руками Калерия Павловна. – Ночуйте у нас! Дмитрий Леонидович именно это имел в виду. Ведь Эккерман жил в доме Гёте...

Стасик сказал, что родители в Ленинграде ждут его звонка. Он должен заехать на переговорный пункт на улице Огарёва.

– Это почти напротив Телеграфа, знаете?

– Пойдемте. – Калерия Павловна встала и повела его наверх, в кабинет Алданова.

Сняла телефонную трубку, долго набирала какой-то длинный номер, дождалась гудка и сказала:

– Диктуйте ленинградский телефон.

Стасик продиктовал, она набрала и протянула ему трубку:

– Говорите. И не торопитесь.

Потом объяснила, что Дмитрий Леонидович, как и некоторые его коллеги, может звонить в любую точку СССР бесплатно и без «заказа разговора».

* * *

Стасик лежал и думал, что ему невероятно повезло. Сам Алданов сделал его своим биографом. Он спит в чистейших простынках, только что вымывшись заграничным жидким мылом, вытершись огромным пушистым полотенцем, посидев в кресле в белом махровом халате. Сон! Мечта! Везение! Но – справедливо ли это? В редакции были ребята не глупее. Некоторые писали лучше него. Почему так бывает? В окно светила луна, мешала спать. Он подложил кулаки под затылок. Когда завтра вставать? Где здесь будильник? Или горничная его разбудит? Она симпатичная, кстати. Черт знает что! Он тихонько рассмеялся.

Дверь беззвучно открылась, и вошла Калерия Павловна в коротком халате. Ее гладкие ноги блестели в лунном свете.

– Не спится? – Она присела к нему на кровать. – Ты мне нравишься, Эккерманчик. Я рада, что ты теперь будешь с нами.

– Вы...

– Не «вы», а «ты». Лика. Просто Лика.

Она нагнулась и поцеловала его.

– А... А как же Дмитрий Леонидович? – испугался Стасик.

– Никак!

– Вы вообще ему кто? – Стасик на миг понадеялся, что это секретарша или какая-то помощница, так что ничего страшного.

– Я? Жена. Законная супруга. А он сейчас у любовницы. На всю ночь. Будет не раньше половины девятого. У нас полно времени. Он не обидится. У нас с ним свободный брак, понимаешь? – Она сняла халат, у нее была очень спортивная фигура, и сдернула одеяло со Стасика.

* * *

– Мне было трудно, – объясняла она потом, лежа рядом и глядя в потолок. – Но я привыкла. Ему, наверное, тоже было нелегко, как ни смешно... Он меня почти что заставлял изменять.

– Странно.

– Он гений. Не просто гений, а любимец родины, партии и правительства. Сначала товарища Сталина, теперь вот товарища Хрущева. Ему можно. Ни товарищеский суд, ни партком, – усмехнулась она, – ему не грозят.

– Странно, – повторил Стасик. – Ты такая красивая и моложе его. Зачем он от тебя бежит?

– Ничего странного! – Она приподнялась на локте. – Вообрази, что тебе все можно. Все на свете. Неужели не воспользуешься? – Помолчала и сказала, вставая с постели: – Я к тебе буду приходить сама. Когда захочу и если захочу, понял?

* * *

Стасик лежал и думал, как он будет жить дальше. Он сдаст интервью. Напишет книгу. Перейдет из «Науки и знания» в «Известия» или даже в «Правду». Алданов его познакомит с другими крупными академиками. Он станет своим в этих кругах – известный научный обозреватель. Напишет еще две, три, пять таких книг: беседы с выдающимися учеными, биографии. В газете станет заведомым. Или даже замом главного. Конечно, ему никогда не будет «все можно», не тот факультет оканчивал... Но ничего. Посмотрим, как жизнь повернется. В конце концов, даже великому Алданову можно не все. Выступить против линии партии – нельзя. Переехать в Америку – нельзя. Просто бросить работу, досрочно уйти на пенсию – ни в коем случае нельзя. Можно удобно жить, вкусно есть и безнаказанно изменять жене, точка... «Но тоже неплохо!» – цинически подумал Стасик и заснул наконец.

* * *

Наутро он сам удивился, как легко ему было говорить с Алдановым; он боялся, что покраснеет, смутится и во всем признается, – но нет. Он пил кофе, ел волшебные бутерброды – нежную розовую ветчину на кусках белого, чуть поджаренного хлеба – и внимательно косился на горничную Наташу: у нее, в отличие от спортивной Калерии Павловны, которую он в уме уже звал Ликой, была очень женственная фигурка. Талия, бедра и все такое прочее. «Если тут всем все можно, то что ж...» – ласково думал Стасик.

Алданов меж тем объяснял, как они будут работать. Вот магнитофон. Прекрасный «Грундиг». Они будут беседовать, потом секретари перепечатают, потом отдадут на проверку секретчикам. «А после их визы машинопись поступит товарищу Эккерману! – радовался Алданов. – Для окончательной обработки! Ну, нажимаю кнопку!»

У Алданова была отличная память на детали, на тонкие подробности предметов, событий и чувств. Полузакрыв глаза, он описывал дорогу в школу, узелок с сушеными абрикосами, шербающую парту, первый упоительный восторг перед доказательством теоремы, сравнимый лишь с тем восторгом, когда в восьмом классе впервые обнимаешь соседскую девочку, в которую влюблен уже полгода...

– Вы, я знаю, крупнейший ученый, хотя я не могу это в полной мере оценить, – сказал Стасик, когда пленка кончилась, и Алданов жадно ставил следующую бобину. – Но как журналист могу сказать точно – в вас погиб великий художник слова.

– Ну ладно вам, ладно! – отмахнулся Алданов и вдруг захохотал: – Почему же сразу «погиб»? Рано хороните! Может быть, еще не родился?

Видно было, что ему эти слова понравились.

* * *

Назавтра Лика – то есть Калерия Павловна – отвезла Стасика на дачу. Была пятница. Так распорядился Дмитрий Леонидович. Она, конечно, сказала «попросил», но таким тоном, что ясно было – это не просьба и даже не приказ. Просто констатация факта: мы едем на дачу, и всё.

Оказывается, в дополнение к особняку в Москве у них была еще и дача. Большой кирпичный дом, а кусок земли – совсем огромный. Полтора гектара, огороженные высоким дощатым забором.

Стасик с Алдановым проработали половину субботы и все воскресенье. Еще три-четыре таких больших диктовки – и каркас книги практически готов.

В понедельник Стасик – ну совсем как журналист из американского фильма – продиктовал интервью по телефону. Он сидел, положив ноги на низкий столик и любуясь импортными летними туфлями и легкими серыми брюками – подарки Калерии Павловны, от имени мужа, разумеется. Еще ему был подарен новый бритвенный прибор и французский одеколон.

Ночью опять пришла Лика, потому что Дмитрий Леонидович уехал в Москву.

* * *

Было очень хорошо, гладко, свежо и ловко.

Но потом, по древней поговорке, Стасик вдруг опечалился и стал вспоминать о той жизни, которая за забором.

Маму и папу вспомнил, их комнату в ленинградской коммунальной квартире, утреннюю очередь жильцов в сортир и ванную; мамино единственное шерстяное синее платье, которое она обвешивала пакетиками с нафталином, чтоб не поела моль, а перед походом в гости проветривала у открытого окна, но все равно пахло. Вспомнил свое жилье, дядину комнату на Садовой-Черногрязской, где каждый вечер надо расставлять раскладушку, и дядю, инвалида войны без ноги и руки. Вспомнил милых девушек в заношенных кофточках и штопанных нитяных чулках, редакционных умников в потных ковбоекках и ботинках со сбитыми носами, вспомнил бедные окраинные продмаги и пирамиды банок с икрой и крабами в «Елисеевском» по немыслимым ценам. Вспомнил все наше скудное, застиранное, линялое и голодноватое житье-бытье и вздохнул:

– Какая у вас тут необыкновенная жизнь.

– Отчего же? – весело возразила Лика. – Объясняй!

– Ну сама гляди! – Он повел рукой вокруг. – Какой дом. Какая еда. Какое кругом удобство. Какой простор. Какие у тебя платья, какие духи, – уткнулся носом в ее шею за ухом.

– Чего же тут необыкновенного? – спросила она даже с некоторым азартом.

– Ты что, – почти разозлился Стасик, – за забор не выходишь? Не знаешь, как люди живут? На самом деле? В Москве, и вообще в СССР?

– Что ты! – Она улыбнулась, и в полутьме ее белозубая улыбка показалась Стасику даже опасной. – Я знаю, как живут люди. Не с луны свалилась. Но я знаю и другое. Это они, все остальные, живут ненормально. Необычно тяжело и плохо. Вот тебе маленький секрет. После войны товарищ Сталин сказал – уж не помню кому, то ли Курчатову, то ли Берии: «Найдите хороших ученых, а мы обеспечим условия. Стране тяжело, но для пяти тысяч человек мы можем обеспечить нормальную жизнь. Не хуже, чем в Америке». Понял? У нас здесь нормальная обычная жизнь. Вот так и должны жить люди.

– А как же все остальные? – Он ее обнял и прижался к ней от страха и удивления.

Калерия Павловна чуть отстранилась от него и сказала:

– Эккерманчик мой хороший. Лев Толстой однажды написал: *«Я богат и знатен. Я понимаю, что это великое счастье. Но из-за того, что это счастье принадлежит не всем, я не вижу причин отречься от него и не пользоваться им»*. Понял? И поцелуй меня. Ты ведь не откажешься от меня потому, что ни у кого нет такой женщины? Красивой, умной, стройной, модно одетой, которая чудесно все умеет, да еще жена великого ученого? Иди ко мне, ну же...

* * *

На другой день после обеда Стасик гулял по дачному участку – на задах, там, где кусты старой смородины, где сыро и забор уже начал подгнивать, и зеленая краска слезала с него влажной чешуей.

Услышал, что с той стороны забора кто-то копошится и тихонько ругается.

Стал выдирать самую хлипкую доску. Гвозди были совсем гнилые. Сделалась широкая щель. Он высунул голову, огляделся: мальчик лет восьми пас козу. Тащил ее за веревку, чтобы привязать к колышку.

– Эй! – позвал Стасик.

– Чего? – шарахнулся мальчик.

– Не бойся. – Стасик вытащил из нагрудного кармана конфету «Мишка»: – Держи.

Мальчик развернул конфету, понюхал ее, откусил уголок и завернул снова.

– Ты что? Ешь, не стесняйся!

– Мамке снесу, – сказал мальчик.

– Ты вот что, – сказал Стасик. – Ты меня здесь обожди.

Сбегал в дом, схватил жменю конфет из вазочки. Хотел было подняться на второй этаж за блокнотом, но вспомнил, что интервью он уже продиктовал, а книжка – да черт с ней, с книжкой.

Прибежал к забору. Вылез наружу. Мальчик показал ему, как выйти на дорогу. Он дошел до станции и зайцем доехал на электричке до Ленинградского вокзала. А тут уже пешком недалеко.

* * *

Калерию Павловну он иногда вспоминал по ночам. Иногда думал, что она или сам академик будут его искать. Но нет. Не искали.

А Дмитрий Леонидович Алданов в конце февраля 1961 года выходил из машины с левой стороны, и его сбил грузовик. Больше месяца он пробыл без сознания, кремлевские врачи боролись за его жизнь, но увы – он скончался 11 апреля 1961 года, не дожив до полета Гагарина буквально одного дня. Некрологов в центральных газетах не было, и похороны были скромные – чтобы не портить народу праздник.

A Bit of Warmth *Двадцать часов лёту*

- Сашенька приехал, – сказала Анна Алексеевна, входя в кухню.
- Ага, – сказал Николай Сергеевич, глядя в сторону.
- Только что звонил. – Анна Алексеевна показала мужу мобильник, на котором еще не погас экран.
- Ага, – повторил тот.
- Он зайдет, – сказала Анна Алексеевна. – Вот прямо через полчаса, сказал, зайдет.
- Странное какое слово. «Зайдет». Заходят в гости! Ньюша, вот ты представляешь себе, я звоню, например, с работы... – (Николай Сергеевич, несмотря на свои шестьдесят пять, на пенсию не собиравшийся.) – Звоню я, значит, с работы и говорю: «Ньюша, я через полчаса зайду». А?
- Что ты цепляешься?
- Заходят в гости! – разозлился Николай Сергеевич. – А это его дом!
- Ну что ты в самом деле! – На глазах у Анны Алексеевны показались слезы. – И так тошно, а ты еще цепляешься. Он же у нас полтора года не был. Вот, заехать хочет, а ты не рад?
- А вообще-то мы с тобой как раз через полчаса собирались выйти погулять, так ведь?
- Не хочешь, чтоб он приходил, так и скажи! Я ему сейчас перезвоню и скажу: «Не приходи!» Так хочешь?
- Да делайте что хотите.
- Только ты не цепляйся, ладно? – сказала Анна Алексеевна. – Чтоб мы просто спокойно посидели, поговорили...
- О чем?! – Николай Сергеевич выпрямился, даже привстал со стула, но потом вдруг ссутулился, сел и стал допивать чай.
- Обещаешь не цепляться? Давай вообще об этом не говорить. Обещаешь?
- Ладно, ладно. Обещаю.

* * *

- Пришел Сашенька, красивый, тридцатипятилетний, высокий. Обнялись.
- Привет, как дела? – спросил он, целуя маму и папу.
 - Спасибо, хорошо, – сказали оба, сначала папа, потом мама.
 - Есть будешь?
 - А что у вас есть? – Сашенька залез в холодильник, долго шарил по полкам. – Слушайте, а что-нибудь овощное у вас есть?
 - Фасоль мороженая, – сказала Анна Алексеевна. – Брокколи тоже мороженые. Огурцы доели. А хочешь, я спущусь куплю чего хочешь, магазин же в доме! Ты же знаешь! Что купить?
 - Не-не-не, я сам сбегаю, что ты, мам! – и с какой-то даже радостью бросился в прихожую.
- Через полчаса вернулся с небольшим пакетом. Ловко нарубил салат из помидоров, огурцов, редиса и обильной зелени: укроп, кинза, петрушка, зеленый лук. Получилась целая миска. Поставил на круглый стол в кухне, сказал:
- Будете?
 - Нет, нет, кушай, – сказала Анна Алексеевна. – Сметаны дать?
 - Спасибо, не надо. А ты, пап? – пододвинул миску к отцу.
 - Нет, спасибо, – сказал Николай Сергеевич.

Сашенька молча медленно жевал, глядя в окно, и вспоминал вчерашний разговор с психологом, который и посоветовал ему непременно навестить маму с папой.

Эти визиты были тяжелы и ему, и родителям. Родители не могли понять, зачем он уехал так далеко и практически навсегда. Всякий раз, когда он вдруг оказывался в Москве, они укоряли его – вернее, задавали обидные вопросы. Обидные потому, что он сам на них не мог ответить.

Поэтому он и пошел к психологу: надо быть современным человеком, надо по трудным поводам обращаться к специалистам. Он так и родителям говорил, в ответ на их нытье «мы старые, а ты нас бросил». Во-первых, не бросил, а просто уехал в другую страну. Сейчас не тогда! А во-вторых, если вдруг возникает какая-то необходимость или трудность, то в наше время уже не надо сына звать на помощь, как полвека назад. Есть специалисты от и до: покупка, доставка, уборка, врачи и все такое прочее. Он может все это для папы с мамой заказать и оплатить по интернету. Но он сам чувствовал, что здесь есть что-то не до конца ясное.

* * *

– А в самом деле? – спросил психолог. – Конечно, вы имеете право, глобализация и все такое, но почему именно в Австралию?

– А почему нет?

– А почему да? – настаивал тот. – У вас там какие-то особо хорошие условия? В смысле заработка?

– Нет. Как везде.

– А почему тогда не Берлин, к примеру? Не Рим, не Лондон?

– Вот и они так говорят! – вздохнул Саша. – «Из Берлина до нас три часа! Мы бы знали, что ты рядом!»

– А ведь и в самом деле, – сказал психолог. – Сколько прекрасных европейских стран! Зачем в такую даль? Может быть, они правы?

– Знаете анекдот? – возмутился Саша. – «Ты за меня или за медведя?»

– Знаю, – кивнул психолог. – Конечно, я за вас. Но если бы я вам говорил «ай-ай-ай, мой бедный Александр, ах, как вас достали эти ужасные родители!», то ко мне не стоило бы приходить. Так вот. Они, разумеется, правы. Со своей, разумеется, стороны. А в чем правы вы? Зачем Австралия? Вы от них хотите скрыться? Убежать? Заслониться двадцатичасовым перелетом? И разницей во времени в двенадцать часов, когда у вас день, у них ночь, ах, как удобно, чтобы не звонить? Так?

– Не так! – вспыхнул Саша.

– Нет, так! – твердо сказал психолог. – Признайтесь: вы удрали от мамы с папой, спрятались. Как будто вам пятнадцать лет и вы поехали к девочке в гости и нарочно забыли дома мобильник, чтоб хоть полдня оттянуться, так? Так, так! Но вам не пятнадцать, вам тридцать пять. И не на полдня, а на годы. Зачем? Вернее, почему?

Саша молчал, наливаясь краской.

Потом взялся за подлокотники кресла, приподнялся.

– Хотите прервать разговор? – сказал психолог. – С вас все равно пять тысяч.

Саша уселся в кресло поглубже и мрачно замолчал.

– Может быть, они ужасные? – вдруг спросил психолог. – Вы же мне про них ничего так и не сказали. Они были к вам жестоки? Во всем отказывали? Наказывали? Требовали?

– Нет! – крикнул Саша. – Наоборот! Они были... То есть они и есть прекрасные родители. Самоотверженные. Все для меня делали. Отказывались от отдыха, от новой машины, от забора на даче, от дорогих зубов даже! Я случайно подслушал. Я очень ценю. Я очень благодарен. Но я не хочу!

– Что?
– Быть обязан.
– Почему?
– Потому что я хочу жить своей жизнью, а не расплачиваться.
– А не расплачивайтесь. Просто живите. Но не очень далеко.
– Не могу! Я пробовал. В Варшаве, в Праге, даже в Барселоне. Мне все время хочется к ним. Все время думаю: час до аэропорта, два-три часа в воздухе, и вот я дома! У мамы с папой! – сказал он, изображая хнычущего малыша. – Австралия спасает. Иногда хочется из Австралии перебраться в Новую Зеландию. Это на глобусе кажется близко, а так – четыре часа лёту. Еще четыре часа. И еще хочу с ними как следует поссориться.
– Я вас понимаю, – вдруг сказал психолог. – Но ссориться все-таки не надо. Мало ли как жизнь повернется. Вдруг Австралию закроют. Что тогда?
– Как? – Саша с испугом взглянул на психолога.
– Да очень просто! – засмеялся тот. – Как в семнадцатом веке открыли, так и закроют. Для иностранцев. Шучу. Но кто знает. – Он посерьезнел и сказал: – Не ссорьтесь. Старайтесь общаться легко. Собственно, что нужно вашим родителям да и вам тоже? Немного тепла. Только и всего.

* * *

Саша доел салат, посмотрел на часы.
– Торопишься? – спросил Николай Сергеевич.
– Да нет... – Саша пожал плечами. – Расскажите, как вы?
– Нормально. Ты лучше сам расскажи, как ты?
– Тоже нормально.
Николай Сергеевич знал, о чем запрещено говорить: где Саша живет в Австралии, то есть какая у него квартира и сколько он за нее платит. Где и кем работает и сколько получает. Есть ли у него постоянная подруга или невеста. С кем дружит и общается. Зачем он приехал в Москву, какие у него здесь дела и как это связано с работой и заработками – это была вообще самая запретная тема. То есть получалось, что говорить можно только о кино. В смысле, о сериалах. Но Николай Сергеевич не любил сериалы, а Анна Алексеевна смотрела какие-то другие, так что и о сериалах разговора тоже не получалось.
– Может, приляжешь после обеда? – спросила Анна Алексеевна.
– Да разве это обед! – засмеялся Саша.
– Конечно! Травки пожевал, и все. Давай я тебе борща согрею. Котлеты есть, хочешь?
– Не-не-не! Только не это.
– Веган, что ли? – спросил Николай Сергеевич, очень нейтрально спросил, стараясь не хмуриться и не улыбаться, то есть чтобы ни в коем случае не обидеть.
– Просто разгрузка. – Саша похлопал себя по животу. – Стараюсь следить за пузом!
Снова посмотрел на часы. Прошел из кухни в комнату. Достал с полки книгу. Сел на диван, полистал ее, почитал недолго.
– А то возьми с собой! – сказала Анна Алексеевна.
– Да нет, спасибо. – Он встал, поставил книгу на место.
Подошел к родителям, обнял их:
– Ну, мне пора.
– Пока, пока!
Поцеловались.

* * *

Выйдя из подъезда, Саша поднял голову. Мама и папа стояли на балконе. Он помахал им рукой и двинулся к арке, ведущей из двора на улицу.

В арке остановился и достал из правого внутреннего кармана тоненькую, страничек на тридцать, записную книжку. Туда он заносил самые важные вещи.

Открыл ее. Вверху странички было написано:

16.07.2019. Mom&Dad. A bit of warmth¹.

Достал авторучку. Хотел вычеркнуть. Но потом просто поставил галочку.

¹ Мама и папа. Немного тепла (*англ.*).

Долгая короткая история Рассказ моего приятеля

За столом вдруг зашла речь о том, что у каждого хоть раз да случилось в жизни нечто ужасное, связанное именно с любовью. Предательство, разлука, обман, внезапное разочарование, жестокая интрига какой-то «третьей стороны». Все соглашались, улыбались, но молчали.

Вдруг один мой приятель сказал:

– Смотрите, какая тут история вышла. Я вот в октябре в Швецию ездил, там со мной такое было...

– Ну, расскажи, расскажи! – тут же отозвались мы все.

– Была у нас в школе одна такая Нина, в восьмом классе. Я влюбился. Тихо вился вокруг нее. А она меня просто не замечала. Даже не знаю почему. То есть знаю на самом-то деле: в восьмом классе я выглядел как шестиклассник. Маленький такой, худенький. Ну и робкий вследствие этого. Ну ладно. Нет так нет. Забыли. А в девятом классе я вдруг неожиданно расцвел. Во-первых, как-то подрос и вытянулся. То есть заметно повзрослел; усы всерьез пошли. Начал бриться! Мама мне мужской одеколон купила! Во-вторых, на городской олимпиаде по истории получил диплом, мне его директор пришел вручать, прямо в класс. А еще мне купили импортные ботсы на рубчатой подошве, с толстыми шнурками. И эта Нинка в меня влюбляется. Ходит рядышком, намекает насчет кино или в гости к ее подруге... Я рассмотрел ее как следует. На трезвую, так сказать, голову. В восьмом-то классе она была для меня богиня, предмет обожания, а сейчас вижу: не то. Прыщики на шее. Ногти короткие. Голова немытая. Маечка застиранная. Да и пардон, конечно, давайте бейте меня все – но я был «мальчик из хорошей семьи». Бейте, бейте! У меня папа наконец-то получил полковника, стал ходить не в сизой ушанке, а в серебристой папахе с кокардой. А мама стала заслуженной артисткой РСФСР. Вот так! Переехали в новую квартиру. А эта Нинка – не пойми кто. Живет в хрущевке, мама – нянечка в больнице, папы вовсе никогда не было. Ну пару раз поцеловались в подъезде, и все, привет-пока. После девятого она ушла в медучилище. По маминым стопам. Так и пропала. С моих радаров, я имею в виду. Собственно говоря, я ее и не искал...

Он замолчал.

– Ну а дальше что? – спрашиваем мы.

– А дальше... Хо-хо! А дальше просто с ума сойти. А дальше приезжаю я в Швецию, в Стокгольм и совершенно случайно попадаю в роскошный ресторан, «Агрикультур» называется. Дико дорогой, я бы сам ни за что не пошел, партнеры по переговорам пригласили. Хотели, как говорится, *кинуть пафос*. Сажусь, оглядываюсь, и вдруг – батюшки! За соседним столиком – Нинка! Но теперь она ой-ой-ой, вся из себя! Холеная до невозможности, одета просто как не знаю кто, в ушах брильянты в два карата, на пальцах тоже, рядом с ней какая-то совсем молодая азиатка, типа филиппинка, секретарша-ассистентка, черт знает... И вот, значит, эта моя Ниночка неторопливо жует нечто малиново-желтое, запивает вином и что-то негромко своей секретарше говорит, а та, значит, в свой изящный молескин быстро записывает и кивает. От руки! Высшая степень конфиденциальности. Ни фиги себе, думаю. Вот это да! Кто б мог подумать? Я просто ошалел. Смотрю на нее ну просто во все глаза! И она заметила и тоже в упор на меня смотрит! Узнала!

Он откашлялся.

– Ну и что она? – стали спрашивать все. – Она-то что?

– Смотрит, понимаешь, и как будто глазами говорит мне: «Ну что, блин, *мальчик из хорошей семьи*? Съел? Выкусил?»

– А ты что?

– Да ничего. Пригляделся – все-таки нет. Не она...

В зеркалах *Искусство дистанции*

Одна молодая женщина, замужняя, мать двоих детей, все у нее очень хорошо было, вдруг полюбила какого-то совсем несуряжного парня. Он снимал комнату в коммуналке, не имел образования и работал то там, то сям, то охранником, то таксистом. Они познакомились, как раз когда он ее вез на такси: она выпила в гостях и не стала садиться за руль. Вызвала машину, и вот... В общем, она стала к нему, как говорят в народе, бегать от мужа.

Наверное, потому, что он был весь из себя такой крепкий, сильный, красивый, по хмурому виду и хриплому голосу даже несколько грубоватый, и ей это нравилось. Настоящий мужчина. Муж у нее был в этом смысле так себе. Но интересное дело – он, этот ее любовник, относился к ней без всякой грубости, наоборот – очень нежно, заботливо, даже трепетно, сказал бы я. Встречал ее салатом из огурцов и бутербродами с колбасой, свежим горячим чаем – не из пакетика, а в чайнике заваривал. Улыбался, в глаза заглядывал. Называл нежными именами. Ну а всё то, ради чего она к нему бегала, – вообще супер.

Она, конечно, сразу поняла, в чем дело. Он ведь был никто и звать никак, а она – ой-ой-ой. Дочка генерала и внучка еще советского замминистра обороны. Квартира на Большой Бронной, в очень серьезном доме. Мама – известный врач, профессор. Муж – тоже из нашего, так сказать, круга. Но не в муже дело, она и без мужа была ой-ой-ой, квартиру ей папа устраивал и работу тоже.

То есть она понимала, что для этого простого парня она была подарком, внезапным и ярким сюрпризом судьбы, этакой райской птицей, влетевшей в форточку его узкой и темноватой коммуналочной комнаты, и он, наверное, пытается эту птичку приручить, задержать, а там, глядишь... Небось мечтает о чем-то.

Но она ему ничего о себе не рассказывала, разумеется. Да и вообще у них времени не было разговоры разговаривать: она отвозила сына в бассейн и сразу к нему – буквально сорок минут у них было на всё про всё, включая салат из огурцов и чай с бутербродом. Машину оставляла далеко, а ему врала, что ей некогда, потому что обеденный перерыв кончается. А где, что – не говорила.

Один раз она позвонила ему, сказала, что будет через полчаса примерно, а он вдруг попросил ее взять колбаски докторской. Она сказала:

– Ну... Ну постараюсь.

Он ответил:

– А чего стараться-то? Возьми у себя.

– У себя? – она не поняла.

– Ну у себя в магазине!

«Ни хера себе!» – вот так прямо в уме сказала она. Он что? Подумал, что она продавщица? Да! Они же познакомились, когда он ее вез в такси! А пока она три минуты ждала такси, вдруг пошел дождь и она зашла в двери магазина. В тамбур! И он, значит, увидел, как она оттуда выходит.

– У меня в магазине? – повторила она, чтобы убедиться.

– Ну да, в «Магнолии». Ты ж там работаешь?

– Неважно, – сказала она и нажала отбой.

Потому что разлюбила его напрочь, в ту же самую секунду.

Просто как отрезало.

* * *

А один мой приятель, довольно известный художник, однажды на выставке познакомился с девушкой, и девушка в него сразу влюбилась, – вот почти как та генеральская дочь в таксиста, – сразу в кафе стала целоваться, и они поехали к ней. Он ей потом стал рассказывать о себе, про свои каталоги, выставки и продажи, а она обняла его и засмеялась:

– Да какая разница!

Она ведь хорошее сказать хотела: дескать, я просто так в тебя влюбилась, как в человека и мужчину, – а он, дурак, обиделся и ушел.

Взгляд, полный любви *Работа актера над собой*

- Стоп! – сказала режиссер Тамара Матвеевна. – Не годится.
- Что такое? – спросил оператор.
- Здесь должна быть любовь, – сказала Тамара Матвеевна и уточнила: – Во взгляде! Эпизод про любовь или нет? Или как? А? Эй? Не слышу!
- Да, – сказала юная актриса Настя Лапулина.
- Она полулежала в постели, опершись локтем на подушку, а ее партнер Василий Свенцицкий, не очень молодой, хотя красивый и здорово накачанный, сидел, откинувшись на спинку кровати. Он, значит, сидел, а она должна была чуть снизу на него взглянуть. Утро после первого секса влюбленной девушки и утомленного жизнью мужчины.
- Если «да», тогда смотри на него с любовью. С любовью! – повторила Тамара Матвеевна.
- А как?
- Приехали! – Тамара Матвеевна засмеялась своим хриплым курящим голосом, хотя на самом деле она не курила никогда. – Знаешь, что такое любовь?
- Знаю! – чуть обиженно сказала Настя.
- Тогда давай, взгляд с любовью. Готова? – Настя кивнула. – Камера! Нет, стоп. Не получается. Будем работать над ролью. Как положено. Как в школе учили.
- Свенцицкий сдержал улыбку.
- Хорошо, – кивнула Настя. – Давайте.
- Понеслась, – сказала Тамара Матвеевна. – Любовь – это что? Отвечай.
- Это счастье! – сказала Настя. – Это преданность и верность.
- Мало! Алкаш счастлив при виде бутылки, ну и так далее. У тебя был хороший секс, ты счастлива? Мало! Насчет преданности и верности... Понимаешь, деточка, я не о той любви, которая созревает позже, про которую говорят через пять, десять, двадцать лет жизни: «Мы очень счастливы, нам хорошо вместе, мы понимаем, мы любим друг друга» и все такое. Тут без вопросов. Но ты-то с ним только что первый раз трахнулась! Я про чувство любви, которое возникло недавно и ярко вылезло вот сейчас. Поняла?
- Да, – кивнула Настя.
- Ну и что же это такое? Новая, свежая, неожиданная, еще не до конца понятная тебе самой, но при этом реальная, сильная, захватывающая любовь... Что это?
- Это нежность!
- Нежность бывает к кошкам.
- Это... Это желание всегда-всегда быть вместе...
- Да он от тебя убежит, как только поймет, что ты к нему прилипла, как банный лист к жопе.
- Это, – не сдавалась Настя, – желание всегда помогать... Готовить обед...
- Ты что, личный врач? Личный МЧС? Повар?
- Желание родить ему ребенка!
- А ты его спросила, про ребенка?
- Настя чуть не заплакала.
- Ну ладно, ладно, – сказала Тамара Матвеевна. – Давай попробуй изобразить это в своем взгляде. Нам нужно пять секунд, всего ничего. Что там у тебя? Желание родить ребенка, всегда быть вместе, быть опорой в жизни, плюс нежность... В одном взгляде. Взгляд, полный любви. Собралась?
- Да.

– Поехали. Камера... Нет. Стоп. Не получается.

– Тамара! – подал голос актер Свенцицкий. – Дай ей время. Может, пусть она как-то поработает, войдет в роль. Нас в школе учили, что процессу перевоплощения предшествует процесс переживания...

– Сиди! – оборвала его Тамара Матвеевна. – Вот ведь Станиславский на полставки, честное слово.

– Давайте я еще раз попробую, – подала голос Настя.

– Нет уж, – сказала Тамара Матвеевна. – А теперь слушай меня. И запоминай. Задача: посмотреть на партнера взглядом, полным любви.

Она встала и пересела на край кровати, жестом велев актеру Свенцицкому чуть подвигнуться, и продолжала:

– Смотри на меня. Внимательно. Но не в глаза, а на мой нос. Отлично. А вот теперь, – Тамара Матвеевна отодвинулась влево, – смотри на дерево, которое в окне за моей спиной, за моим затылком. Отлично. Вот я держу палец там, где был мой нос. Смотри на палец, потом на окно, потом снова на палец. Фокусируй глаза сначала на пальце, потом на дереве в окне и снова на пальце. О! Получается. Умница. А теперь я двигаюсь на место, смотри на мой нос, а потом как бы сквозь мое лицо – вдаль, на дерево в окне. Не на само дерево, не верти головой! Именно сквозь, меняй фокусировку, а потом назад... Хорошо. И вот так с Васиной рожей будет, смотри на него! – Она встала и кивнула в сторону актера Свенцицкого. – Ну-ка, на его лицо, потом куда-то сквозь него вдаль и снова на него. Отлично.

– И всё?

– Нет, не всё! Теперь как следует отморгайся. Часто-часто поморгай глазами, а потом раскрой их. И наконец. Сожми челюсти. Сильно-сильно. А потом ослабь прикус. Ослабь, но не размыкай. Ну разве чуть-чуть, на четверть миллиметра просвет между зубами чтоб был, но не больше, поняла?

Настя кивнула.

– Повторяю. Поморгай. Отморгайся. Сожми челюсти. Слегка их расслабь. Смотри Василию на нос, потом сквозь него как бы вдаль, потом снова на него. Готова? Поехали. Камера! Так. Так. Так. Снято.

Тамара Матвеевна подошла к оператору.

Тот прокрутил запись.

– Отлично, – сказала Тамара Матвеевна. – Взгляд, полный любви!

Соблазн

И не введи нас во искушение

«Более простой случай: дело было летним вечером тоже в парке, было чересчур прохладно. Мужчина накинул на плечи девушки пиджак. Через некоторое время она отошла в кусты, попросив спутника отвернуться. В пиджаке были документы и деньги; как ее зовут и где живет – он не знал.»

Из письма от френда Liveter

Вечером сидели в ресторане, отмечая важную сделку между двумя фирмами. Одна фирма продала другой фирме свое предприятие в городе Т.

– Я никогда там не был, кстати говоря, – сказал юрист Власов.

– Ну как же? – удивился финдиректор Федосеев. – Ты же за этот месяц семь раз туда ездил!

– Я имею в виду, раньше не был, – объяснил Власов. – Вообще странно, чудесный город, два часа от Москвы, а я не был... Мы вообще плохо знаем Россию, даже смешно.

– Американцы тоже, – подал голос инвестор Беленко. – Я был, правда довольно давно, в Вашингтоне на стажировке, решил съездить в Нью-Йорк, а секретарша, американка, говорит: «А зачем?» – «Как зачем? Нью-Йорк же все-таки!» А она отвечает, такая дамочка лет сорока: «А я в Нью-Йорке не была и вообще не собираюсь. Зачем?» Три часа ехать, между прочим.

– Ну-ну! – иронически хмыкнул вице-президент Лялин. – Америкосы, они тупые, известное дело.

– Кстати! – вдруг сказал Власов. – Кстати, друзья! А я на самом-то деле в этом славном Т. очень даже был! Был, был, году этак примерно в девяносто шестом. Или седьмом? Нет, все-таки в шестом. Но сразу же забыл. Потому что приключилась там со мною одна малоприятная история.

– Вытеснил по Фрейду! – Инвестор Беленко поднял палец. – Что за история?

* * *

– История глупая, пошлая и обидная, – стал рассказывать юрист Власов. – Приехал я в Т. в командировку – и было это, значит, в девяносто шестом. То есть было мне ровнехонько двадцать шесть лет. И там я совершенно случайно знакомлюсь с очень милой девушкой. Буквально, что называется, разговорились у газетного киоска. Приятная, тихая, скромная. Такая, как бы сказать, провинциальная в лучшем смысле слова. Слово за слово, уж не помню, о чем мы говорили, но как-то вот само собой пошли гулять в парк – недалеко было от гостиницы. Идем по старому безлюдному парку, вечерает, прохлада спускается... или наоборот, поднимается от воды – парк над рекой... Конец августа. Она в легком платье с короткими рукавами. Зябнет. Я, конечно, снимаю пиджак, набрасываю ей на плечи, она улыбается так нежно и ласково, идем дальше, и вдруг минут через десять она говорит: «Ой, простите, мне нужно отойти». Отойти? Куда, зачем? Она на меня поднимает глаза и говорит наивно: «В кусты...» И краснеет. Я улыбаюсь в ответ, и меня все это как-то даже умиляет. Она идет через газон к такой, что ли, купе густых кустов, на полдороге оборачивается и говорит: «Вы только не смотрите, не смотрите!»

Ах, ведь я джентльмен, зачем меня предупреждать! Разумеется, я отвернулся.

Отвернулся и стою. Три минуты. Пять минут. Десять. Пятнадцать...

Ну, вы всё поняли.

Ушла моя провинциалочка вместе с моим пиджаком. В пиджаке ключи от гостиницы и от московской квартиры и бумажник, в бумажнике деньги и документы.

Я так взбеленился – на себя в первую очередь, – что даже забыл, как ее зовут. Напрочь! Начисто! Навсегда! Вытеснение по Фрейду, как вы точно заметили. – Власов кивнул инвестору Беленко. – Впрочем, в милиции сказали, что имя ничего не даст.

Однако утром из милиции позвонили. Пиджак с ключами нашелся в каких-то других кустиках, а мои документы, а именно: паспорт, права и пропуск – лежали в урне рядом со входом в парк. Нарочно сверху мусора, чтоб сразу заметно было.

– Насчет ключей повезло! – сказал финдиректор Федосеев. – Неопытная попалась. Дурочка-одиночка.

– А что? – не понял Власов.

– Ну ведь из Т. два часа езды до Москвы! Ключи и твой паспорт со штампом о прописке. Если бы это была настоящая банда, они бы в ту же ночь к тебе домой наведались.

– Да какая банда! – махнул рукой Власов. – Глупая девочка. Я во всем виноват сам.

– Вот как? – спросили все чуть ли не хором.

– Так, так, – вздохнул тот. – Я ее соблазнил.

– Как соблазнил? – не понял финдиректор Федосеев.

– Нет, не то, что вы! Мы с ней даже под руку не прошли, не успели. Я ее соблазнил пиджаком, в котором она нащупала толстый бумажник. Вот не накинул бы я ей пиджак на плечи, а повел бы в кафе, проводил бы до дому на такси. Взял бы ее телефон... Позвонил бы из Москвы. Ну или не позвонил бы, какая разница. Она не виновата.

– И это говорит юрист про воровку! – засмеялся инвестор Беленко.

– Да никакая она не воровка, в сущности... Это не от хорошей жизни. Такая, что ли, мелкая нищенская ловкость. Я тут читал какой-то роман, там про бедных детей в прошлом веке. Которые все время старались ухватить кусочек съестного. Хватали объедки со столов в трактире. Упавшее с возу яблоко, даже если оно упало в грязь... Вытирали его о штаны и тут же сжирали. Они не виноваты. Они всегда были голодны. Они все время искали пропитание. Они были как маленькие животные.

– Ну прямо уж животные! – возмутился вице-президент Лялин. Его передернуло от неожиданного гнева. – Это люди! Ваши... то есть наши с вами соотечественники!

– Этот роман про границу, и это не я говорю, а автор говорит, – пожал плечами Власов, но потом решил, что спорить не о чем и ссориться не надо. – Но вы правы, да, конечно. Нельзя так о людях. Вот я и говорю – я сам виноват. Соблазнил бедную девушку на кражу. А самое обидное, – продолжал он, – самое обидное и досадное вот что. У меня в Москве была своя девушка. Постоянная. Как бы даже почти невеста. И она подарила мне обручальное колечко своей покойной мамы. Я его носил, у меня тонкие пальцы, и мне оно пришлось впору. Я любил эту девушку. Мы потом поженились и прожили девять лет... Но я не о том. Я, хоть и любил ее, при этом был обыкновенный кобель и жеребец. Изменял ей при любом удобном случае и даже не считал это изменой. Измена, думал я, это что-то серьезное. Вот если влюблюсь в другую, начну параллельный, так сказать, роман – вот тогда это будет измена! А так – джентльмен в поисках приключений. Поэтому, когда я приезжал в командировку, я всегда снимал это кольцо и прятал в бумажник, там был кармашек под молнией. Ну и все, тью-тью мое колечко. Пришлось в Москве срочно бежать в ювелирный, покупать такое же и потом обтирать его об кирпичную стену у подъезда. Чтоб стало старенькое, как было...

Вот я и думаю, что это меня Бог наказал, – закончил свой рассказ Власов. – За то, что я колечко снял с руки и спрятал, в надежде на приключения в городе Т.

– Как же ее все-таки звали? – спросил Лялин.

– Убейте не помню! – Власов комически прижал руки к груди. – Напрочь забыл. Вытеснение по Фрейду, вот господин Беленко подтвердит! Давайте выпьем...

– Давайте, давайте...

* * *

Лялин ехал домой, смотрел в затылок шофера и злился, что Власов не вспомнил имени этой девицы, которая сперла у него пиджак с ключами и бумажником.

Потому что в девяносто седьмом году он тоже был по каким-то делам в городе Т., он тоже был молод и игрив и тоже познакомился с чудесной, милой, скромной девушкой, и они тоже пошли гулять в парк, и начало вечереть и холодать, туман поднимался от реки, и девушка зябко потирала себе голые руки выше локтей, потому что тоже была в легком платье с короткими рукавами – но он, Лялин, не стал накидывать пиджак ей на плечи. Он на такси повез ее в ресторан, они поужинали, он отвез ее домой, проводил до подъезда, все очень скромно и строго, записал ее телефон, потом стал звонить ей из Москвы, потом приезжал к ней, и вот они женаты уже двадцать два года. Еще три года – и серебряный, извините, вединг. Трое детей. Старшему двадцать, среднему шестнадцать, младшей девочке тринадцать.

Когда они познакомились, у нее на пальце было тонкое колечко; она что-то туманное объяснила, вроде от покойной бабушки, а носит она его, потому что к женщине с кольцом другое отношение. Даже в магазине от продавщиц.

* * *

Умывшись, переодевшись в пижаму, он зашел в спальню и спросил жену, которая лежала в постели с книгой:

– Марина, прости, помнишь, когда мы с тобой познакомились, у тебя было кольцо?

– Не помню, – сказала она, продолжая читать.

– Ну как же? Такое совсем тоненькое, как будто обручальное...

– Да, кажется.

– Где оно?

– Куда-то делось, когда мы переезжали. Не помню. Может быть и скорее всего, вообще потерялось.

– Ага, – сказал он. – Понятно, бывает... Марина, а откуда оно у тебя было?

Она положила в книгу красивую кожаную закладку, захлопнула ее и пристроила на тумбочке рядом с лампой. Потянулась, подняв руки кверху и показав выбритые подмышки. Уронила руки на одеяло.

– Тебе это обязательно знать? – но, встретившись с его темным взглядом, сказала: – Хорошо, пожалуйста. У меня был, извини за выражение, парень. Он ушел в армию. Просил меня ждать. Я обещала. Он дал мне это колечко. Сказал, что мамино. Надел на палец.

– И ты не дождалась...

– Нет, что ты! – усмехнулась она. – Я дождалась. Цинкового гроба.

– Прости меня, – сказал он.

– Ничего, ладно, – вздохнула она. – Иди ложись наконец.

– Прости меня, но ты говорила, что это кольцо покойной бабушки...

– Я соврала. Я боялась тебя огорчить.

– Ясно, ясно, ясно, – вздохнул Лялин и забрался под одеяло.

Она погасила лампу, придвинулась поближе и положила голову ему на плечо.

* * *

Лялин поцеловал ее макушку и подумал:

«Вот если бы я набросил пиджак ей на плечи – она бы попросилась отойти в кусты, сперла бы мой бумажник, и мы бы больше никогда не увиделись. Я бы женился на Асе Ройтер или на Наташе Звонаревой или лучше бы вообще ни на ком не женился, и не было бы у меня троих детей, и старший не намекал бы на студию в квартале „Шувалов“, а младшие бы не клянчили что ни полгода макбуки и айфоны самых распоследних моделей».

Нет, конечно, они хорошие ребята, и денег у него было хоть жопой жри, но бесила наглость.

Нежность

Причал межпланетных кораблей

Мой приятель рассказывал:

– Строили что-то, уж не помню что – то ли склад, то ли коровник – в Н-ской области. Студенческая бригада типа «стройотряд». Хорошие деньги. Но и вкалывать надо ой-ой-ой. Вот не помню, что именно строили. Кажется, все-таки коровник. Но была там не совсем прямо уж деревня, а вполне себе совхоз. Даже были длинные двухэтажные дома городского типа, из белого силикатного кирпича – с квартирами, как в городе, с водопроводом и отоплением. Молокозавод, гараж, ремонтные мастерские. Котельная. Водонапорная башня. Дом культуры, библиотека в отдельном домике. Скверик, бетонный Ленин. Все как у людей.

Но снаружи, за городской, так сказать, чертой, – деревенская жизнь. Река, луга, стога, коровы пасутся.

В Доме культуры, конечно, танцы.

На танцах познакомился с девушкой. Совсем простая, но зовут Алиса. Хорошо. Такая вот у нас страна чудес. Если честно, она меня сама выбрала. Подошла и пригласила и потом ни с кем танцевать не отпускала. Там вообще девчонки смелые, смелей московских.

Девчонок там, кстати говоря, было втрое больше, чем ребят. Потому что, когда приходишь на танцы в каком-нибудь таком поселке, сразу проблема: «местные». Мы, значит, приезжие, а они тут хозяева. Могут и морду набить, если на танцах что-то не так. Но вот тут «местных» почти не было. Уж не знаю почему, но факт.

Короче, потанцевали, потом пошли гулять.

Луна светит, улица кончается и выходит к полю. Пошли по полю. Вдруг что-то черное впереди – типа длинный дом с косой крышей, под крышей окна, сквозь них звезды. Луна, поле и такая фигня – как в кино про другую планету. Сеновал, оказалось. Залезли внутрь, там сено разными кипами лежало, мы на небольшую такую забрались, и ну целоваться. Она первая начала, что характерно. Прямо раз – и в губы взасос. Потом легла на спину, руки раскинула, на нее косой луч лунного света ложится из верхнего окошка – красиво. Сама она тоже красивая, беленькая такая, шейка тонкая, ключицы хрупкие. Я-то как думал – сейчас трахнемся разок и обратно на танцы пойдем. Но вот я на нее посмотрел, и такая вдруг во мне нежность поднялась, господи, никогда со мной такого не было. Вот именно что нежность. Хотелось ее целовать осторожно и медленно, гладить вот эту русую стрижечку, прикасаться губами к глазам, к вискам, к ушкам и шее.

– Алисонька, – говорю, – какая ты чудесная... Девочка моя сладкая, дай я на тебя налюбуюсь, дай я тебя поглажу тихонечко, дай мне свои плечики, дай мне свои сладкие грудки, дай я их поцелую, милая моя, ласковая моя...

Вдруг она как дернется. Поднялась, села и говорит:

– Ты чего?

– А? – говорю.

– Ты вообще? Совсем уже?

Я даже не понял, что это она вдруг. Обнял ее и дальше шепчу что-то такое ласковое.

А она вырвалась и чуть не крикнула:

– Ну и не надо!

Спрыгнула вниз и убежала.

Да. Интересно любят Н-ские девушки.

Посидел, передохнул, пошел назад. Там всего ходу было минут десять. На танцах ее уже не было. Ладно. Бывает.

В следующее воскресенье опять танцы. Прихожу, верчу головой, ищу свою Алисочку. И тут ко мне подходит другая девушка. Тоже, кстати, ничего себе. Я ее еще в тот раз заметил, она была вроде атаманши. Ходит, на всех слегка покрикивает. Вот она ко мне подходит:

– Эй, москвич, как тебя звать?

– Саша, – говорю.

– А я Валентина. Пойдем покурим, разговор есть.

Вышли с танцев.

Идем по той же дороге. Луна светит, но уже не такая, как неделю назад. Молчим. Минут пять идем, вышли в поле, вот и сеновал виднеется, как ангар межпланетный.

Она вдруг голос подает:

– Я ж сказала – покурим!

Дал ей сигарету. Щелкнул зажигалкой.

Дальше пошли. Она молчит, я молчу. Потом говорит:

– Некогда мне тут раскуриваться. Гаси давай.

Затоптала сигарету и пошла на сеновал. Я тоже сигарету заплевал, выбросил – и за ней. Смотрю, она высоко забралась. Протягивает мне руку:

– Залазь сюда.

Залезли.

– Ну? – говорю.

– Баранки гну! – смеется.

– Постой, Валентина, а какая у нас с тобой, извини за выражение, тема разговора?

– То есть в смысле?

– Ты же сказала: есть разговор. Говори, я слушаю.

– Зачем ты Алиску обидел? – сказала Валентина. – Она сегодня даже на танцы не пошла.

Ты чего?

– А чего я? Чего я не так? – У меня голова кругом пошла от этих заявок.

– А чего ты как баба рассюсюкался? Алиска говорит: я в него прямо втюрилась, сразу решила – мой. А он – как баба. «Глазки-губки, плечики-грудочки!» – передразнила Валентина. – Алиска прям так и сказала: «Может, он пидарас? Я в него влюбилась, а он как будто пидарас!»

– Ненормальная твоя Алиска! У меня к ней нежность проснулась, ты понимаешь?

– А может, ты правда пидарас? – спросила Валентина.

– Дуры вы обе! – закричал я и чуть не треснул ее по башке, но сдержался. – Хоть живого педераста видели? Охренели совсем! – Я схватил ее за плечи и сказал: – Нежность, понимаешь? Хотелось ее ласково поцеловать, сказать нежное слово! Поняла?

Я отпустил ее и лег на спину.

Она склонилась надо мной.

– Херня это все, твоя нежность. Глупости и вранье. Вот я тебе нравлюсь, например? Чего молчишь? Алисочки стесняешься? Да она к тебе больше за полкилометра не подойдет, нежный какой... Ну, чего молчишь?

– Про что?

– Вопрос не понял? Я тебе нравлюсь?

– Ну нравишься, – сказал я на всякий случай.

– Не «ну», а точно! – чуть не зарычала она. – Да? Нет?

– Да.

– Тогда давай, – и она ловко стянула с себя платье. – Давай не задерживай! Стоит? Поехали. Не стоит – сейчас подыму!

Она громко причмокнула губами, как кучер лошадям, и завозилась с пряжкой на моих брезентовых стройотрядовских брюках.

* * *

Я лежал, то глядя в черный потолок, то косясь на Валентину, и понимал, что счастье, правда и смысл жизни – вот они. Рядом со мной. Что все слова – это вранье, что нежность – это глупость и лицемерие, что есть только сильная женщина, горячее дыхание, колючее сено и звезды в проемах под крышей сеновала.

Я точно знал, что такая не разлюбит, не бросит, не выдаст.

Но я понимал также, что не смогу остаться здесь. Что я здесь буду делать? И увезти ее с собой в Москву, жениться на ней и плюнуть на все – тоже не смогу. Потому что в Москве пятый курс, мама-врач и папа-доцент, в Москве выставки и концерты, в Москве любимая девушка Лилия Лейферт и еще одна, тоже очень хорошая и очень любящая Таня Морозова, и, хотя с этой секунды мне на них наплевать, – все равно. Да и Валентина не захочет. Я для нее забава, момент, быстрая месть болтуну-москвичу за подругу... Не говоря о ее маме-папе, братьях-сестрах, которые у нее, конечно, есть, но которых я не знаю и знать не желаю.

Но на всякий случай спросил:

– Валь, а поедешь со мной в Москву?

– Зачем?

– Жениться! – и тихо добавил: – Ты очень хорошая.

– Опять нежности! – громко и искренне захохотала она.

Я вежливо посмеялся в ответ, сунул руку в карман и нашарил там скрепку, простую канцелярскую скрепку – вчера вечером мы заполняли ведомости по нарядам. Из этой скрепки я согнул такой хомутик, чтобы газовая зажигалка не гасла, когда отпустишь палец. Чтоб этот хомутик, значит, все время давил.

Достал зажигалку, чиркнул, открутил пламя посильнее, надвинул проволоку на клавишу и кинул в самую середину сеновала.

Кажется, Валентина все-таки успела выскочить.

Я – нет.

* * *

– погоди! – сказал я. – Ты чего несешь? Ты что, там сгорел?

– Дотла! – усмехнулся он. – А то ты не помнишь! Вы хоронили меня всем курсом. В закрытом гробу. Ты держал под руку Лилию Лейферт. Боже, как она плакала...

Он сжал мне руку выше запястья, встал и вышел.

На руке осталась черная пятерня, след жирной сажи.

Женя, Женя и Москва

Дорогая моя граница

Женя Колодкин получил разрешение на въезд и жительство в Москве. Второй степени.

Степень разрешения считалась снизу: первой степени – это только для тебя одного; второй степени – для двоих, то есть можешь взять жену или любого кровного родственника. Третья степень – ты и еще двое, то есть трое общим числом. Четвертой степени не было, вместо нее была карта «И», то есть «исключительный случай», если ты какой-то обалденный спортсмен или там, не знаю, математик. На карту «И» можно было вывезти до четверых человек.

Женя подавал на третью степень, потому что хотел взять с собой маму и любимую девушку, на которой предстояло жениться.

Но не вышло. Где-то споткнулся. Сам не понял, где именно, а в ответе этого не было. Объяснений не полагалась. «Вам выдано разрешение второй степени», и точка. Хотя и это – грандиозное везение, конечно.

* * *

Проверок было много. Биомедицинская первым делом. Потом генеалогическая. В Москву брали только чистокровных. Не обязательно русских. Никакого шовинизма. Татарин, калмык, еврей, бурят, мордвин – пожалуйста. Хоть грек. Но чтобы на четыре поколения чистокровный, со справками. Понятно зачем – еще один барьер, только и всего. Ну а дальше – тесты. Интеллект, психореактивность, общая культурность. Математика, язык, государство и право.

Особое испытание – спортивное. «Курьерское десятиборье». Сначала поднятие тяжестей. Дальше – быстро, но не нарушая правил, ехать по городу на машине. Потом на мотоцикле. Дальше велосипед. Плаванье. Карбаться через стены, вроде скалолазания. Бокс или карате, дзюдо – на выбор. Бег. Ориентирование по навигатору и по приметам. Скоростной подъем по лестнице на пятнадцатый этаж – и, наконец, вручить адресату пластиковую коробку с яблочным пирогом.

Потому что в Москве для приезжих никакой другой работы не было. Только курьером. Но – только на первые три года. А там уж новые тесты, новые успехи, новые вершины.

Итак, вторая степень. Соискатель плюс один человек.

* * *

Женя все-таки решил взять с собой маму.

Трудный был выбор. Мама была против. Она говорила, что скоро умрет. У нее был стафулоз в тяжелой стадии, какая-то новая зараза. Мама говорила: «Езжайте с Женечкой. Распишитесь – и езжайте. А я тут как-нибудь».

Девушку Жени Колодкина звали тоже Женя.

Он сначала обрадовался такому маминому решению, тем более что и его Женя очень хотела с ним в Москву, но не говорила ни слова, потому что знала, какой ему предстоит трудный выбор. В общем, Женя уже совсем было собрался пойти со своей Женей в МФЦ и подать заявку на брак, но вдруг подумал: «Господи боже, что ж я делаю! Это же мама! Мать! Она меня родила, растила-кормила, после папиной смерти образование дала, а я ее бросаю! Древние греки, кажется, говорили: жен-мужей и детей может быть сколько хочешь, а матери новой не будет! Что ж это я за подлец такой? Нет!»

В общем, он сказал матери, что берет ее с собою. И что в Москве обязательно найдется лечение от стафулоза: либо больница, либо просто лекарство, которого здесь нет, а в Москве, наверное, в каждой аптеке навалом.

Брать с собой много вещей не разрешалось – по чемодану, пятьдесят пять на сорок на двадцать пять, и бумажник с документами.

* * *

Когда перешли наружную границу, там был двухдневный карантин. Им с мамой дали отдельную комнатку. На другой день зашел врач, посмотрел обоих, сказал маме: «Прилягте, гражданка, я сейчас вернусь». Но не вернулся.

Вечером мама позвала Женю присесть рядом и сказала:

– Зря ты Женечку вместо меня не взял.

– Да ладно! – засмеялся он.

– Так в Москве и не побывала, – сказала мама и заснула.

«А и правда, – подумал Женя. – Это только наружный периметр. Карантинная граница. А настоящая Москва там, в конце коридора, где второй контроль».

Утром мама была уже холодная.

Врач и полицейский не велели Жене брать мамин чемодан. «Заразно!»

Женя проводил взглядом каталку, на которой лежала мама, в ногах у нее, клонясь и чуть не падая, стоял серый чемодан с ремешками крестом, вспомнил про крест, перекрестился и пошел, подхватив свой чемоданчик, в конец коридора.

Он выложил свои документы на прилавок и напористо изложил ситуацию. Типа что его мать, указанная в документе как законный спутник по разрешению второй степени, ранним утром скончалась от стафулоза, вот справка.

– Ну и? – спросил пограничник, старик в толстых очках.

– Ну и я имею право въехать со спутником. Имею право вернуться и привезти спутника. В смысле спутницу. Разрешение действует год с момента выдачи. Прошло меньше месяца.

– Знаете что? – вдруг засмеялся пограничник, снял и протер очки. – Вы знаете, нас учили никогда не говорить гражданину: «Вы правы!» Надо всегда говорить: «Вы ошибаетесь, есть параграф такой-то пункта такого-то!» Гражданин не может быть прав перед официальным лицом. Но вот тут, – и он надел очки на свой толстый пористый нос, блестящий от жира, – но вот тут все-таки нет! Вы все-таки правы! Такой редчайший случай, можно сказать...

Он вбил какие-то цифры в компьютер, а потом переписал их в конторскую книгу. Долго писал, пыхтя и склоняя голову.

– Ишь! – вздохнул Женя.

– Сервера горят, – ответно вздохнул старик. – Или жгут их, черт знает. Может, диверсанты? Саботёры? Как думаете?

– Без понятия, – честно сказал Женя.

– Я тоже, – сказал пограничник. У него от старости немножко тряслась голова. – Вот ваш паспорт и разрешение. Езжайте за подружкой! – он подмигнул.

* * *

Когда Женя вернулся в родной город, он первым делом, прямо с поезда, пошел на кладбище. Заказал в конторе, чтоб на могиле папы подтюкали мамино имя-отчество-фамилию: Колодкина-Семендеева Фаина Макаровна.

Потом сразу побежал к любимой девушке Жене, чтоб она его утешила в несчастье, это раз. И чтоб они быстро сбежали в МФЦ оставить заявление на брак, это два. И чтоб она тоже начала собирать чемоданчик ехать с ним в Москву, это три.

Когда он подошел к домику, где Женя жила с родителями посреди яблочного сада и двух курятников, он увидел, что там пристроены еще две комнаты, примерно шесть на шесть.

Женя сидела в саду на скамеечке, резала яблоки на варенье, а вокруг бегал ребеночек года в полтора. Еще немтырь, но веселый. Женя ему говорила: «Мишенька, Мишенька», а мальчик гукал в ответ и кричал вроде: «Да! Да!» – и ручонки тянул к тазу с резаными яблоками.

Женя полюбовался этой милотой, но сказал:

– Жень, когда успела?

– Привет! – сказала она. – Да вон сколько времени прошло, как ты меня тут оставил ради мамки своей.

– Она померла.

– Царствие небесное. Хорошая была женщина Фаина Макаровна, а ты мамочкин сынок. Тьфу. Все профукал.

– Женя! – вскричал он. – Так ведь меня всего четыре дня не было! Ты что?

– У нас тут время быстрее идет. Не знал? В сто раз примерно. Или даже еще. Вон ты какой молодой, а у меня уже морщины пошли.

– Да какие морщины! – Он потянулся было к ней, но она сказала:

– Ступай откуда пришел!

Ребеночек закричал. Собака залаяла, загремела цепью.

* * *

Ну и ладно! Значит, одному в Москву.

А в Москве тот же самый пограничник сказал и показал, что в разрешении написано: «Однократное пересечение границы». А он, значит, ее уже пересек и обратно уехал. Вот штампики. Так что пардоннэ муа.

– Нет уж, это вы пардоннэ! – твердо возразил Женя. – Я пересек только наружную границу. Карантинную! А за внутреннюю не заходил. Границу Москвы в собственном смысле слова я не пересекал. Там должен быть второй, главный штампик. Вы его не поставили! Пропустите меня!

– Экие вы все умные стали, – бормотал пограничник, глядя в бумаги то сквозь очки, то поверх очков. – «В собственном смысле!» – передразнил он. – Вы опять-таки правы. С точки зрения здравого, так сказать, смысла. Но в разрешении не сказано про две границы. Написано: «Однократное пересечение границы»! А какой – карантинной или административной – не записано. Знаете что?

– Что? – сказал Женя, холодея и надеясь одновременно.

– Оставьте ваши координаты, с вами свяжутся.

– Какие еще координаты? – выдохнул Женя. – Вы сканировали мой паспорт!

– Сервера горят, – закивал головой старик-пограничник. – Что ни день горят. Саботёры, пароль д'онёр! Давайте я лучше в книжечку запишу.

Он достал конторскую книгу, растрепанную и замусоленную, поплевал на карандаш, склонил голову набок:

– Диктуйте!

* * *

Вернувшись домой, Женя вспомнил, что так и не увидел живую Москву, хотя бы из окна поезда. Когда подъезжал к пропускному пункту и когда отъезжал – тоже. Там были сплошные мосты и стены, стены и мосты, а домов совсем не видать.

Тем более что туман.

«А может, Москвы и вовсе нет, кроме как в телевизоре?» – подумал он и стал доставать из чемодана брюки, майки и прочее свое небогатое добришко.

Бальзам на раны

Не стану рассказывать, что там было дальше

Эту странную историю рассказал мне мой давний старший друг Валентин Петрович Н. Рассказал лет десять назад. Случилась же она и того раньше, в 2002 году, а началось все и вовсе за двадцать лет до того, то есть в 1982-м, летом, еще при Брежнев.

Сейчас Валентина Петровича нет на свете, и я могу об этом рассказывать. Тем более что он с меня никаких обещаний не брал.

Надобно сказать, что Валентин Петрович был довольно удачливый бизнесмен. Средний бизнес, разумеется. Небольшой. Но – крепкий, доходный и, главное, ровный, без ухабов и обвалов.

Один раз – вот с этого и начался наш разговор – я спросил о секрете его успеха. Почему его минуют большие и малые несчастья, которыми так богата жизнь среднего предпринимателя?

* * *

– Как говорится, сами удивляемся, – сказал он. – Я сам об этом долго думал. И понял вот что. Тут не просто умение или везение. Не это главное. Главное – отношения с людьми. Скажешь, старо как мир? Целый воз дурацких книжек, как влиять на людей, как превращать противников в союзников и прочая чепуха? Нет, мой дорогой. Я про другое. Мой принцип – жесткость отношений. Никого никогда ни за что не прощать. Не спускать ни малейших враждебных действий и даже слов. Мстить! Да, представь себе, просто мстить. Соразмерно, конечно! – Он улыбнулся.

– Вот, например, – продолжал он, – в самом начале двухтысячных у меня вдруг пошли какие-то мелкие неприятности. Непонятно почему. Как будто с левой ноги встал, и вот так каждый день. И я понял, что всему виной какая-то незалеченная рана. Даже, может быть, маленькая ранка. Царапина, в сущности. Но она свербит и гноится – почему? Потому что я за нее не отомстил.

– Господи! – сказал я. – Да кто тебя этому научил? Мстить?

– Тетя! – простодушно улыбнулся Валентин Петрович. – Моя тетя Вера, мамина сестра. Она была пианистка, не так чтобы совсем знаменитая, но вполне. Да ты же знаешь! Концерты, гастролы, даже какие-то премии. Тетя Вера мне говорила: «Если кто-то против меня гадит, интригует, сплетничает – я его просто уничтожаю. Всеми доступными мне средствами. И никому ничего не прощаю. Помнишь, как я тебя оставила на острове?»

* * *

– Еще бы мне не помнить про остров! – засмеялся Валентин Петрович. – Мне было восемь лет. Мы с тетей вдвоем плавали на остров, была у нас рядом с дачей река, на реке широкое такое место, а посредине островок. Тетя плавала отлично, а я плавать не умел, я плыл на резиновом надувном круге. Вот мы сплавали, повалялись на травке, а потом тетя вдруг спустила воздух из моего круга, сложила его вчетверо, сунула себе под лямку купальника, побежала к воде и уплыла на тот берег, где был маленький пляж и дорога к нашему дачному поселку.

Ужас!

Я один, кругом вода, народу на берегах никого!

Потом мне тетя объяснила, в чем дело. А дело было в том, что я был маленький, но вредный. Дня два назад тетя прямо с дачи ехала на концерт. Аккомпанировать какому-то известному певцу. Песни Шуберта. «Зимний путь». А я, подлец, в самый последний момент поменял ноты у нее в портфеле. Вытащил Шуберта и сунул «В лесу родилась елочка».

«Ты представляешь себе, – сказала мне тетя Вера, – какой ужас, какое отчаяние меня охватило, когда я достала из портфеля ноты Шуберта – а там какой-то детсад! Хорошо, это было в артистической, а не в зале. Мне все-таки нашли нужные ноты. Консерватория, слава богу. Концерт задержали всего на десять минут. И я хотела, чтоб ты тоже ощутил это чувство одиночества и беспомощности! Ты ощутил?»

«Ощутил, – сказал я. – Еще как! Но я мог утонуть, что тогда?»

«Тогда твоя мама, то есть моя сестра, меня бы убила, – объяснила тетя Вера. – Или посадила бы в тюрьму, не знаю! Но это была бы совсем другая история. А в тот момент мне надо было тебя наказать».

«Зачем, тетя Вера?»

«Чтоб не чувствовать, что в меня плюнули, а я утерлась и захихикала: ах, какой милый остроумный мальчик! Стащил у тети ноты перед концертом! А еще – чтобы простить. Ты понял?»

Кажется, я все понял. Тем более что все было не так уж страшно. Тетя Вера через час приплыла за мной на лодке, попросила соседа.

Какая-то слишком длинная и многослойная история, нет? Ты не запутался?

– Нет, нет! – сказал я. – Очень интересно! Но ты же не про тетю.

– Да, конечно, – кивнул он. – Хотя на самом деле тоже про тетю. Но совсем про другую.

* * *

– Итак, – рассказывал Валентин Петрович, – в самом начале двухтысячных я вдруг чуть-чуть захромал вместе со своим бизнесом. И понял, что тут не в налогах и крышах дело. Тут что-то у меня внутри. Ранка недолеченная, я уже сказал, кажется. Все свободное время я лежал на диване, прямо как сам себе психоаналитик. Лежал, глядел в потолок и пытался эту ранку разыскать. Отматывал события день за днем, месяц за месяцем, год за годом, стараясь вспомнить, кто и когда меня оскорбил, а я не ответил. Я предчувствовал, что это будет какая-то сущая ерунда, чепуха, чушь собачья...

И я все-таки вспомнил.

Но я и представить себе не мог, насколько это на самом деле полная чушь!

Это случилось в 1982 году, летом. Двадцать лет назад от того момента, когда я вспомнил. Еще Брежнев был жив, хотя Брежнев тут совсем ни при чем. Просто чтобы отметить – это была другая эра. Трижды другая!

Но не в том дело.

А дело в том, что я поехал на некую научно-практическую конференцию, проходившую в загородной гостинице рядом с маленьким русским городом Р.

Там было много народу, и не только участники конференции, но и просто молодежь. По льготным путевкам обкома ВЛКСМ. Был июль, кажется. Молодежь торчала на пляже, мы торчали на пленарках и секциях, а вечером, как положено, танцы.

Значит, танцы. Приглашаю одну хорошую девочку. Нина звали. Она работала в этой гостинице каким-то младшим администратором и жила прямо рядом, там был поселочек такой. Красивая. Глаза синие. Небольшого роста. Стройная, но плотненькая. Умненькая, веселая. Мы с ней уже пару раз разговаривали. Мне она понравилась. И я вроде бы ей понравился тоже.

Как тогда положено было, танцы чередовались – два раза шейк, один раз что-то медленное, чтобы поговорить и пообниматься. Вот мы с ней танцуем медленный танец. Она мне головку на плечо положила, я ее одной рукой за талию обнимаю, другой рукой по спинке глажу, все так хорошо и приятно, и мы уже договорились, что после танцев пойдем гулять на реку, и вдруг она шепотом спрашивает: «Валя! А тебе сколько лет?»

Я говорю как есть:

– Сорок.

– Правда, что ли?

– Честно. Я сорок второго года. Вот и считай.

Она вдруг остановилась и отбросила мои руки.

– Что такое? – спросил я.

– Что я, проститутка, что ли? – Она хмыкнула и шагнула в сторону.

Я схватил ее за рукав:

– погоди! В чем дело?

– Мне двадцать лет! – сказала она. – Ты понял? Двадцать! Что я, проститутка, с сорокалетним козлом ходить?

И убежала. Я даже не успел ей вслед крикнуть: «Сама дура! Сама коза!»

Стою, глазами хлопаю. Меня, сорокалетнего мужчину, оскорбили только за то, что мне сорок лет, и ни за что больше! Я понял, что чувствуют евреи или негры! Страшное, гадкое, унижительное чувство. Тем более что я эту Нину не уламывал. Не тащил силком танцевать, не тискал, не лапал, не поил сладеньким вином, не сулил подарков или, боже упаси, денег. Не дышал на нее гнилыми зубами. Не вонял пропотевшим пиджаком. Нет! Я ей вдруг стал отвратителен просто по факту своего возраста. Именно по открывшемуся ей факту, – Валентин Петрович поднял палец, – а не по внешнему виду. Потому что я был спортивный, аккуратный, даже модный. Бодр, свеж, чисто выбрит. И уж конечно, насчет этого дела был не хуже любого ее ровесника, точно говорю. Но до этого дела мы, как ты уже понял, не добрались.

* * *

– Но ведь это же на самом деле чушь! – сказал я.

– Допустим. Но важно не то, как я это понимаю сейчас, – строго ответил Валентин Петрович. – Важно, как я это чувствовал тогда. А тогда, в июле 1982 года, я был унижен и оскорблен и ничего не ответил.

– А что, что именно тебя так оскорбило? – спросил я. – Хорошо, какая-то дурочка захотела иметь дело с сорокалетним, миль пардон, козлом. Это ее проблемы.

– Что меня оскорбило? – вздохнул он. – Хороший вопрос, кстати. Наверное, страх надвинувшейся старости. Страх смерти, в конце концов! И вот в эти страхи она меня ткнула носом. Мне было ужасно. Я не вру.

Он поднялся с кресла, прошелся по комнате, встал передо мной.

– В общем, прошло двадцать лет. Был 2002 год, и тоже, как ни странно, июль. Или начало августа. Суббота. Время семь вечера, еще светло. Я встал с дивана, на котором валялся и размышлял, принял душ и стал одеваться. Надел мягко-белого цвета сорочку, легкий синий костюм «Бриони», тончайшие мокасины. Полюбовался собой в зеркало. Да, мне было ровно шестьдесят лет, но я выглядел просто превосходно. Стройный, коротко стриженный, почти без седины. Я бросил в сумку несессер, фотоаппарат, бумажник, пару нижнего белья, еще одну сорочку в нераспечатанной упаковке, позвонил подруге – она была во Франции, сказал, что на уик-энд могу оказаться в местах, где нет мобильной связи. Взял ключи, сел в свой джип и поехал.

– Куда?

- В маленький русский город Р.
- Найти эту Нину и сказать ей: «Сама дура! Сама коза!»? – засмеялся я.
- Вот именно, – абсолютно серьезно ответил он.

* * *

– Доехал я быстро, буквально за три часа. Нашел эту самую гостиницу. От нее осталось только название, а так-то ее здорово отремонтировали. Перестроили. Евроремонт, евростиль, евро-что-ты-только-хочешь. Захожу, спрашиваю хороший номер...

– Ты что, серьезно надеялся ее найти?

– Если я на что-то серьезно надеюсь, оно всегда сбывается, – сказал Валентин Петрович. – Тебе тоже советую. Надейся не так, хала-бала, *может – будет, может – нет*, а желай всей душой, и все получишь! Да. Расплачиваюсь за номер и тихонько спрашиваю девушку за стойкой: «Простите, странный такой вопрос. Давным-давно здесь работала Нина, если не ошибаюсь, Емельянова. Она и жила тут рядом. Вдруг вспомните? Соседи, то да сё... Вдруг?» А девушка мне тихо так говорит: «Нина Васильевна? Да вот же она!»

Поворачиваюсь влево – там сбоку, на другом конце стойки, с пачкой бумаг и большим калькулятором, сидит эта самая Нина. Лицом – точно она.

– Сказка! – Я развел руками.

– Жизнь! – Валентин Петрович щелкнул пальцами. – Она еще интереснее... Я пошел, из машины взял букет и большую коробку конфет, подхожу к ней, что-то несу типа «наша фирма, три года назад, отличное обслуживание, я тут случайно оказался, позвольте в знак приятности...» Она вся покраснела от удовольствия. Выходит из-за стойки. Я ей ручку целую, букет вручаю и на нее смотрю. Батюшки светы. Была стройная, чуть плотненькая девочка, стала раздавленная, даже разъевшаяся тетка. Щеки переходят в плечи, спускаются на грудь. Пузище торчит из-под форменного жакета. Ноги бутылками. Нет, ребята. Смерть лучше старости. На могильном памятнике нарисуют красивый портрет. А тут... – он махнул рукой.

* * *

– А тут я ей говорю, – продолжал Валентин Петрович, – что-то вроде «вот бы нам с вами сняться на память». Достаяю из портфеля фотоаппарат, зову девочку-администраторшу. Стоим мы, значит, с Ниной Васильевной в обнимочку посреди холла и во весь рост отражаемся в зеркале. Девочка щелкнула нас и ушла.

Я крепко сжал Нинино плечо и шепчу:

– Посмотри в зеркало. Не узнаешь меня?

– Нет, – говорит, – извините.

– Нина, – говорю я. – Насчет фирмы это брехня. Мы с тобой раньше виделись. Ровно двадцать лет назад. Помнишь?

– Нет, – отвечает. – Хотя я здесь уже двадцать два года работаю. Что да, то да.

– Нина! – говорю. – Соберись, напряги память! Двадцать лет назад. Вот такой же июль. Мы танцуем. Обнимаемся. И ты спрашиваешь, сколько мне лет. Я говорю, что сорок. А ты отвечаешь, что тебе всего двадцать и со старым козлом дальше танцевать не хочешь... Помнишь?

– Неважно, – хмурится она.

– Ага! – чуть не кричу я. – Значит, помнишь.

– Ну допустим, – кивает она вполне спокойно. – И что?

– А теперь посмотришь в зеркало, Нина! – говорю я. – Тебе сорок. Всего сорок! Мне шестьдесят. Целых шестьдесят! Посмотри внимательно. Полюбуйся. Сравни. И скажи, кто из нас лучше выглядит?

– Ну и что?

– Да ничего! – говорю. – Просто так!

– Ладно, понятно, – и идет к своим бумагам. – Извини, много работы. Время почти одиннадцать, а тут еще считать черт-те сколько.

– Где у вас тут можно поужинать? – спрашиваю.

– Леночка, – говорит она той девочке. – Покажи, где «Бочонок».

* * *

– Поужинал я в этом «Бочонке», – рассказывал Валентин Петрович дальше, – едва отбился от местных проституток и к половине первого вошел, наконец, к себе в номер. Хороший номер, кстати. Душ и спать. Лежу и думаю: «Интересно, она что-то поняла? Почувствовала?»

– А что она должна была понять? – спросил я.

– Что зря меня обидела двадцать лет назад. А главное, чтоб ей стало хоть чуточку больно, глядя в зеркало на себя рядом со мной. Больно, обидно и унижительно.

– Одно дело – уколоть, припомнить обиду, – рассудительно сказал я. – Это понятно. Но унижать-то зачем?

– А она меня зачем унизила? Тогда, двадцать лет назад?

– Действуешь по заветам тети Веры? – засмеялся я. – Чтоб эта Ниночка почувствовала то, что чувствовал ты?

– Да! – едва не крикнул Валентин Петрович.

– Странно, – сказал я. – Между «тогда» и «сейчас» огромная разница.

– Иначе не лечится. И не прощается! – Валентин Петрович хлопнул ладонью по столу в знак непреклонности своих убеждений.

* * *

– Долго ли, коротко, – рассказывал он, – в этих мстительных мыслях я потихоньку заснул. И вдруг проснулся от того, что кто-то вошел в мой номер.

Я открыл глаза. Женская фигура показалась на фоне приоткрытой двери. Наверное, у нее была служебная карточка-ключ. Я протянул руку, нашарил и нажал клавишу лампы, которая стояла на тумбочке около кровати, но она загорелась всего на полсекунды, потому что раздался щелчок – и свет погас. Очевидно, женщина вытащила мою карту из кассеты у входа и вырубилась весь свет, и я не успел ее рассмотреть.

В номере было абсолютно темно. Перед сном я сам опустил жалюзи и сдвинул тяжелые двухслойные гардины.

Я услышал, как женщина подходит к моей постели. Снимает халат и бросает его на пол. Садится рядом. Ее рука откидывает одеяло. Она нагибается ко мне и горячо шепчет, едва не прикасаясь губами к моим губам:

– Прости меня. Это было так давно. Я была совсем дура. А ты такой красивый, такой хороший. Пусти меня к себе... – и с этими словами целует меня. Губы, шею, грудь и так далее. А потом налегает на меня всем телом, ложится рядом...

Потом рассвет все же стал пробиваться сквозь плотные занавески.

– Ты меня простил? – шепнула она, поцеловала меня напоследок, вскочила, схватила с пола свой халат, накинула его на плечи и убежала. В предрассветном полумраке мне показа-

лось, что это совсем юная женщина. Небольшого роста, с гладким стройным телом – впрочем, это я не увидел, а ощутил, когда обнимал ее.

Сначала я подумал, что это мне приснилось.

Но нет! Она меня сильно укусила в плечо, до синяка, и этот синяк я утром рассматривал в ванной, в зеркале. И еще – самое главное! – она оставила свои тапочки. Еще одни гостиничные тапочки валялись у кровати рядом с моими.

* * *

– По дороге на завтрак, – продолжал Валентин Петрович, – я заглянул в холл. Нина Васильевна все так же сидела за своими бумагами.

– Доброе утро, – сказал я. – А кем ты здесь работаешь?

– Помощник главного бухгалтера.

– Прямо сутками напролет?

– Иногда приходится. Ну всё? Отомстил и простил?

– Нина, – сказал я. – А кто это был?

– Где? Кто? – Она явно издевалась надо мной. – Нет, ты ответь: ты меня простил?

– Дочка? – не отставал я.

– Совсем с ума сошел – дочку ему!

– Племянница? Сотрудница?

– Еще чего! Ты лучше сам скажи, – усмехнулась Нина Васильевна, – кого ты вместо себя положил? А то, – бесстыдно прошептала она, – а то такой веселый, как будто тебе даже не сорок, а прямо двадцать.

* * *

– Ну и что дальше? – спросил я.

– Простил, конечно, – сказал Валентин Петрович. – Эта маленькая ранка зажила. И все у меня опять стало нормально и даже хорошо.

– Да нет, я не о том! – Я даже кулаки сжал от досады. – Что там было с этой Ниной? Кто это был?

– А вот что там было дальше, не стану рассказывать.

Город, улица, дом и квартира *Любите ли вы Киплинга?*

Ему показалось, что она похожа на провинциальную школьную учительницу литературы, которая вдобавок пишет стихи, и тайком, под псевдонимом, посылает в их столичный журнал, и потом, умирая от сердцебиения, открывает почтовый ящик – но увы, увы, увы...

Провинциальная? Смешно. Потому что городок, где он сейчас оказался, был ну просто провинциальней некуда. Однако девушка – точнее говоря, молодая дама – была еще более провинциальна, периферийна, черт знает что – но это было видно. Возможно, она была деревенской учительницей.

Она была полновата, с густыми черными, чуть вьющимися волосами, в отчасти нарядном, но очень дешевом платье. Из-под ремешков потрепанных босоножек виднелись толстые пальцы с разноцветно покрашенными ногтями. Стопы были широкие. Мизинец едва не касался пола малиновым ноготком.

Она сидела на деревянной скамейке гостиничного кафе, на террасе. Пила кофе из большой кружки, что-то перебирала в сумке.

Потом надела на нос тонкие очки и посмотрела на него. Он был единственным посетителем в этом кафе – у стойки возилась пожилая барменша, настраивала кофейную машину: машина взвизгивала, взрывывала, свистела и умолкала. Барменша чертыхалась себе под нос, шла к двери, ведущей в кухню, кого-то безуспешно выкликала, потом возвращалась и снова будоражила это никелированное чудище.

Да, он был не только единственным посетителем кафе, но, кажется, и единственным постояльцем этой крохотной гостиницы.

Ему почему-то показалось, что «училка» – он так назвал эту молодую даму – сразу это поняла. Потому что она долго на него глядела, а потом вдруг спросила:

– Надолго здесь остановились?

Ничего себе вопросики! Но он усмехнулся и ответил:

– Это зависит от массы обстоятельств.

– Кто предскажет нам судьбу, кто укажет на звезду, путь которой обозначит наш провал или удачу? – спросила она.

– Вы поэт? – улыбнулся он.

– Поэт – это Гораций или Верлен, – сказала она. – В крайнем случае Кавафис. Или вот Киплинг, например, хотя его уже почти забыли, а многие не любят. Колонизатор, империалист, сейчас это ужасное клеймо. А вот вы, например, любите Киплинга?

Она приоткрыла рот и замолчала, как будто бы ей был очень важен его ответ.

У него похолодела спина.

Связник, которого он ждал, должен был спросить: «Любите ли вы Киплинга?» Ответ: «Да, в детстве я читал „Книгу джунглей“». Тогда связник передаст адрес.

Он еще раз внимательно посмотрел на нее и понял, что это случайно совпало.

– Отчасти, отчасти... – сказал он и засмеялся. – Киплинг неплох. Но я вас уверяю, что вы тоже поэт!

– Ну нет. Я просто складываю слова в кучки и пытаюсь их зарифмовать. Иногда получается, иногда не очень. Так что, вы здесь надолго? – повторила она.

– Это зависит от обстоятельств, – тоже повторил он. – Видите ли, я ехал на юг, к морю, отпуск, понимаете, да? И жутко навернул свою тачку. Сдал в ремонт, жду.

– Так и ехали бы на автобусе или на поезде. Или взяли бы в прокат. Тратить отпуск... А на обратном пути заберете.

– Боюсь оставлять, – сказал он. – Тачка у меня жутко крутая. «Ягуар» пятьдесят девятого года. Мелкой серии.

– Круто! – присвистнула она. – «Ягуар»! Старинный! И на ходу?

– В полной заводской неприкосновенности.

– Дико дорогой?

– Страшное дело... – вздохнул он. – Вот поэтому я его сторожу и охраняю. Три раза в день проводываю, как он там. Он чудесный! Его зовут Шер-Хан! Я его обожаю!

– Нет, вы точно любите Киплинга! – засмеялась она. – А почему не Багира?

– Шер-Хан красивее звучит.

– Вы обожаете своего Шер-Хана, – она пересела к нему, – и вам наплевать на женщин?

– Да, – серьезно сказал он. – Я активный машиносексуал.

– Страдаете таким половым извращением? – она словно бы кинула мячик, чтобы он отбил его словами известной репризы.

– Что вы, доктор! – засмеялся он. – Я им наслаждаюсь!

– Раз ваша машина в ремонте, мы можем выпить вина!

– Можем, – и он подозвал барменшу.

* * *

Она ему все рассказала. Да, он верно угадал, она в самом деле оказалась деревенской учительницей, которая приехала сюда на какие-то курсы. Комнатку она снимала тут неподалеку. От нее странно пахло – как, наверное, пахнет от настоящих деревенских теток, сколько бы они ни мылись в речке, в тазу или под краном. Здоровьем, свежестью, и чуточку земель, и животными, и фруктами, и дубовым бочонком, где преют яблоки для самодельной водки, и соломенной крышей, и горячими камнями печки.

Они болтали о том, о сем, постепенно спускался вечер, он заказал ужин, они поели, было воскресенье, она никуда не спешила. Он – тоже. Он уже почти забыл, зачем он тут застрял, а еще барменша включила музыку.

«Училка» встала, вытерла губы и пригласила его на танец.

Барменша, наверное, смеялась, глядя, как они сначала изображали церемонный вальс, а потом просто топтались посреди террасы.

Стемнело. Часы на старой башне пробили девять раз.

– Ну, нам, кажется, пора разбежаться, – сказал он, поклонившись и поцеловав ей руку.

– А навестить своего Шер-Хана? – засмеялась она.

– Воскресенье. Мастерская закрыта.

Вдруг она придвинулась к нему и сказала:

– Не хочу уходить... Не хочу оставлять тебя...

Вся его ирония куда-то делась, испарилась, исчезла. Он почувствовал, что хочет ее. Но он боялся, что эта провинциальная девица вдруг начнет ломаться, ставить условия или вообще скандал устроит, особенно с утра, и поэтому прошептал ей прямо в ухо:

– Ты правда хочешь? Меня?

– Да! Но ты мне скажи: ты любишь Киплинга?

– Ты мне дашь? – не слыша ее слов, переспросил на всякий случай.

– Да, да, да! Ну пойдем, пойдем скорее.

* * *

– Прости меня, – сказала она, высунувшись из ванной. – Прости, у тебя не найдется станочка?

– А? – он не сразу понял.

– Бритвенного станочка. Понимаешь, у меня так давно не было секса, я вся заросла...

– Там на полке несессер. Там есть.

И буквально через пять минут:

– Ой! Миленький! Прости! У тебя нет пластыря? Я порезалась!

Господи, твоя воля! Вот ведь беда! Идиотка безрукая! Да и зачем было... Фу. Ладно. Она не нарочно. Она хотела как лучше. А руки дрожат от волнения. Бедняжка.

Она вышла из ванной, распахнула и сбросила халат. Нелепо недобритый лобок, два пластыря. Остановилась в шаге от кровати.

– Иди ко мне, – позвал он.

– Но сначала скажи: ты любишь Киплинга? Отвечай! Отвечай!

– Да! – в отчаянии крикнул он. – Обожаю! В детстве я читал «Книгу джунглей»! Иди ко мне скорей... – и, лежа поверх одеяла, выключил лампу.

– Я хочу при свете! – застонала она.

Боже правый. Ну раз ты так хочешь... Он снова нажал клавишу.

Обнял ее. Стали целоваться.

– Почему ты мне смотришь только в лицо, только в глаза? – забормотала она. – Смотри на меня на всю, рассматривай меня всю, везде, иначе я не смогу... Поцелуй меня там!

Он, сдерживая вздох, губами и языком прошел по всему ее телу – шея, грудь, живот, – дошел до самого низа, и вздрогнул, и коротко выдохнул.

Под выбритыми волосами шариковой ручкой было бледно, но отчетливо нацарапано: «Nîmes, rue Aubert, 14, ap. 21. Shere Khan»².

– Люблю ли я Киплинга? – повторил он ее вопрос и свой ответ: – Да, в детстве я читал «Книгу джунглей». Здравствуй.

Он уткнулся лицом ей в живот и замер так на несколько секунд.

– Записывать нельзя, – сказала она.

– Спасибо, знаю. А сама зачем записала?

– Боялась, что забуду...

– Иди смывай поскорее. Там в ванной есть жесткая губка.

– А как же секс? – спросила она то ли со смехом, то ли с обидой.

– Пойди уж... – хотел было сказать «побрей все как следует», но понял, что это будет грубо, и нашел другие слова: – Если хочешь, пойдя приведи себя в порядок...

И вдруг почувствовал к ней какую-то особую, доселе не испытанную нежность. Как к верному товарищу, с которым он больше не увидится никогда, никогда.

² Ним, улица Обер, 14, кв. 21. Шер-Хан (фр.).

Всё впереди *Мое блаженство – перемена*

Антону Григорьевичу исполнилось шестьдесят. Отмечали в ресторане. Потом пришли домой. Свалили подарки в гостиной, цветы снопами поставили в пластмассовые кухонные ведерки.

– Завтра разберем, – сказала Марья Николаевна.

– Завтра! – ответил Антон Григорьевич и чмокнул ее в щеку.

Она обняла его и поцеловала в губы, горячо и сильно. Прижалась к нему. Стала развязывать галстук.

– С днем рождения! – зачем-то сказал он и засмеялся. – Прости, Маша, я выпил. Я пьян мертвецки. По-юбилейному.

– А почему не падаешь на пол? – почти натурально засмеялась она. – Не засыпаешь на ковре с диким храпом? Или песни не поешь по крайней мере?

– Прости! Я лучше упаду в койку.

– Ну, иди зубы чисти.

* * *

Утром он проснулся и увидел, что она неподвижно смотрит в потолок. Обнял ее, попытался придвинуть к себе.

– Что такое? – спросила она.

Он пододвинулся к ней и прошептал, трогая языком ее ухо:

– Кажется, ты вчера вечером на что-то намекала...

– Тебе кажется, – сказала она, отодвигаясь.

– Я точно помню, – мурлыкал он, пытаясь погладить ее живот.

– Как ты можешь что-то помнить? – Она сильно отбросила его руку. – Ты же был мертвецки пьян! По-юбилейному, так? Всё. Хватит.

Он помолчал и спросил:

– В каком смысле «хватит»?

– В прямом.

– Ты больше не хочешь?

– Да, – сказала она. – В смысле нет. Потому что ты меня не хочешь. Довольно давно. Хотя я моложе тебя на восемь лет. Хотя я понимаю. Но неважно. Ты уже много лет отработываешь эти, как их, супружеские обязанности. Не надо. Зря все это. Глупо и неинтересно.

– Ты что? – Он закинул руки за голову, потарабанил пальцами по деревянной спинке кровати, потом подложил ладони под свой затылок. – Бред какой-то. Ты моя жена, мы вместе уже скоро тридцать лет, я тебя люблю...

– Прекрати, – равнодушно сказала она. – Я не знаю, зачем мы поженились. Ты меня никогда не любил.

– А ты меня?

– Я пыталась. Ты мне сделал предложение, а не я тебе. Вот я и старалась тебя любить. Как бы в ответ. Мне кажется, у меня получалось. Иногда. В ответ непонятно на что. А у тебя нет. Не получалось.

– Докажи! – сказал он почти с детской обидой.

– Ах, сейчас накрою голову одеялом и едва слышно прошепчу, залившись пунцовым румянцем! – сказала она и засмеялась. – Мы уже очень-очень взрослые люди. Да, у меня некра-

сивая грудь. Уши спаниеля. Что ж ты тогда вообще на мне женился, ты же все видел? У нас же с тобой все было до свадьбы. Мы же современные люди!

– Я женился не на сиськах, а на любимой женщине! – оскорбленно сказал он.

– Что такое «любимая женщина»? – засмеялась она.

– Мать моих детей!

– С ума сошел? Когда мы поженились, у нас не было детей.

– Я видел в тебе мать своих будущих детей! – сказал он даже с некоторым пафосом.

– Какое предвидение! – зло усмехнулась она. – Ну вот. Ты хотел детей. Я, кстати, не очень. Но ты просто кипел самоваром, индюком надувался: «Хочу детей! Двоих детей! У нас должно быть двое детей!» Вот, пожалуйста. Родила двоих детей. Вырастила, вынянчила, выучила. Лечила, на кружки и секции водила, к морю возила. А ты все время работал. Р-р-работал! На работе, и потом дома вечером. Отчет, потом диссертация. «Тише, дети, папа р-р-работает!» Ну и где результаты?

– Мы, кажется, неплохо живем! – Он поджал губы. – Очень даже неплохо. Особенно на общем фоне. Взять хотя бы вчерашний банкет.

– Зачем этот банкет? Я о результатах! Где все это?

– Что? – Он в самом деле не понимал.

– Хоть что-нибудь!

– Ты о чем? Это ты с ума сошла.

– Хоть что-нибудь! – Она поднялась и села в кровати. – Результаты, понял? Когда мы поженились, ты был молодой ученый. Ты говорил: «О-го-го! Я создам! Я открою! Я напишу!» У тебя глаза горели. Я поверила. Ну и где все это? Где твои открытия? Книжки? Награды? Или просто бесплатная слава. Я была бы счастлива быть женой непризнанного гения. А стала женой проректора по учебной работе.

Он хотел резко ответить, но сдержался. А она продолжала:

– Ради чего я бросила работу и карьеру и стала женой при муже? Ради *обеспеченной жизни*? – издевательски проговорила она. – Ради квартиры, машины, сытной еды, приличной одежды и отдыха у моря две недели в году? И это все? Отдать свою единственную жизнь, чтоб оказаться в самой серединке среднего класса? Тьфу!

– Не плюй в колодец, – обиженно сказал он.

Она снова легла, пошевелила ногами под одеялом и сказала:

– Я понимаю, ты не виноват. Но и я ни в чем не виновата. Сейчас мне пятьдесят один с половиной, и у меня ничего нет, кроме детей, которые живут в шести часах лёту, им даже позвонить нельзя, то у них слишком рано, то у нас слишком поздно. И кроме мужа, которому противно взять меня за грудь. Не говоря уже о... – Она длинно вздохнула. – О, господи! Ну извини.

– Масенька! – сказал он, изумляясь вполне искренне. – Почему же ты мне ничего не говорила? Почему не сказала, что тебе нужно? Я все понял. Прости. Ну, иди ко мне...

– Не смей! – Она сбросила его руку, отодвинулась. – Вот! Я уже сказала! Ты все понял, да?

– Да! – сказал он. – Конечно, понял!

– Раз ты все понял, то я больше не смогу с тобой жить. То есть спать. В смысле, сексом заниматься. Вообще никак, никогда.

– Почему?

– Ты совсем глупый? Если будешь делать, как я прошу, – значит, выпросила. А если не будешь – значит, я тебе на самом деле отвратительна. Так что все.

Она отвернулась.

Он посмотрел в потолок.

Молчал целую минуту, а потом сказал вроде бы покаянно, но и мстительно, как ребенок, который вдруг говорит: «Мамочка, ты три дня искала свою любимую чашку. Это я ее разбил,

а осколки выбросил», – говорит, предчувствуя наказание, но и наслаждаясь маминым огорчением:

– Да, да, правда...

Его голос дрожал – он был оскорблен почти до слез. Потому что он искренне считал, что бросил настоящую науку и пошел по научно-служебной, так сказать, линии – ради семьи. Мужчина должен зарабатывать деньги. Обеспечивать жену и детей. И ведь ей все нравилось: квартира, машина, свободные деньги... А теперь, значит, вот как.

Хотелось сделать ей побольнее.

– Да, да, правда, – повторил он. – У меня есть женщина, уже много лет. Сказать кто?

– Не обязательно.

– Вот и хорошо, – продолжал он. – Есть женщина, тоже любимая, как и ты. Но я тебе с ней не изменяю. В грубом телесном смысле. Разные стили секса, ты меня понимаешь? Поэтому, собственно говоря, в наших с тобой, прости меня, интимных отношениях все сложилось так, как сложилось...

– Короче, ты меня трахаешь, а ее лижешь? – грубо спросила она. – Мне одно, ей другое? А она не обижается?

Он промолчал.

– Ясно, – кивнула она. – Ладно. Понятно.

Встала, открыла шкаф, стала доставать свою одежду, складывать на полу. Ходила по комнате, а потом и по всей квартире совсем голая. Он не вытерпел и сказал:

– А раньше ты говорила «отвернись, я оденусь».

– Мало ли что было раньше, – отмахнулась она.

Через час она собрала две большие сумки.

Начала одеваться.

– Куда же ты собралась? – спросил он.

Все это время он продолжал лежать в постели; у него и в самом деле была какая-то слабость в теле и особенно в голове после вчерашнего: выпили серьезно. Он не соврал вчера вечером, он действительно был пьян по-юбилейному, а она, получается, вдруг захотела от него, от шестидесятилетнего мужчины, безотказного секса...

Что с ней?

«А со мной что? – подумал Антон Григорьевич. – Зачем я все это ей наболтал? И куда она пойдет, кстати говоря? Ведь у нее только и есть что одна четвертая доля в собственности на вот эту квартиру. Ну да. Она, я и двое детей. И денег у нее тоже нет, кроме тех, что я выдаю на хозяйство... Сколько там наэкономишь. Любовник? Какой любовник, смешно! – Он оглядел ее некрасивую тощую фигуру. – Да и не в сиськах дело, был бы любовник, я бы учуял раньше».

– Куда же ты? – спросил с издевкой, но при этом даже сочувственно, как будто оставляя ей путь назад.

– К себе, – сказала она.

– То есть...

– Пять лет назад у меня умерла тетя и завещала мне квартиру. Хорошую. Двухкомнатную, но большую, на Ленинском, в старой части. Пятнадцать минут пешком от метро «Октябрьская». Я ее сдаю. А деньги кладу себе на счет.

– Что? – Он вскочил с постели.

– Это еще не всё. А дедушкин младший брат, Феоктист Степанович, год назад оставил мне квартирку совсем маленькую, в панельном доме, на улице Введенского. Это ближе к метро «Беляево». Как раз для одинокой женщины.

Он завернулся в одеяло, прошелся по комнате.

– Маша, я всего мог ждать, но такой... такой подлости... лучше бы ты мне изменила...

– Ты полагаешь?

– Я работал изо всех сил, отказался от науки, чтоб кормить семью, чтоб иметь квартиру, чтоб платить за детей в институт, чтоб покупать вам всем всё, – он задыхался от гнева на нее и от жалости к себе, – а ты, оказывается... просто не знаю...

– Оденься. В этом одеяле ты похож на римского императора.

– Вон из моего дома! – закричал он. – Мерзавка! Предательница! – Он перевел дух и потер себе грудь, слева. – А лучше оставайся. Давай поговорим. Простим друг друга. Мы уже такие старые...

– Вот именно что старые. Но еще чуть-чуть осталось.

Гостиная была завалена подарками в красивых коробках, в лентах и бантиках. В длинных деревянных футлярах лежали коньяки и дорогие вина. В плоских упаковках были, наверное, картины и книги. Смешно, но еще вчера она предвкушала, как они с мужем после кофе и утреннего секса сядут разбирать всю эту праздничную кучу, как она расставит цветы по вазам, как будет ножницами резать золотую и серебряную оберточную бумагу, как будет ставить коньяк – в бар, одеколон – на туалетный стол, фарфоровую статуэтку – на полку за стекло...

«Что со мной? – подумала Марья Николаевна. – Может, просто климакс? Ну а чего плохого в климаксе? Климакс означает „перелом“, и это просто чудесно».

Все впереди.

* * *

Впереди – долгие и прекрасные дни в маленькой квартире. Одна, боже мой, какое счастье! Одна в кресле у окна, за которым шумит, зеленеет и пахнет почти загородный Битцевский лес. А на коленях книга.

Например, учебник китайского языка.

О ненависти и любви *Из ненаписанной книги*

...Граф разговаривал с ним с безупречной вежливостью, подчеркнуто на равных, но именно в этой вежливости и в этом постоянном, отчасти даже навязчивом подчеркивании равенства, в словах «мы же с вами оба петербуржцы... мы же с вами университетские люди...» – Иван Николаевич видел какое-то утонченное издевательское презрение, ибо точно знал, что граф никогда не пригласит его к себе в дом, никогда не примет его приглашения, а если вдруг волею судьбы случится такое невероятное событие, что сын графа влюбится в его дочь – то граф возьмет все меры, вплоть до полицейских, чтобы этого брака не случилось; но потом, ежели им вдруг снова придется встретиться в коллегии присяжных, опять будет очаровательно вежлив и, как это сейчас называют, *демократичен*.

Поэтому Иван Николаевич ненавидел и презирал графа всеми силами своей исконно разночинской души, всеми чувствами человека, бегавшего по урокам, курившего дешевые папиросы в каморке на седьмом этаже, до одури зубрившего перед экзаменами, защитившего диссертацию, получившего сначала приват-доцентуру, а в позапрошлом году и звание профессора, и даже чин пятого класса. Теперь он официально титуловался «ваше высококордие». Ох, эти странности Табели о рангах! Поди объясни иностранцу что «высокордие» (*haute origine*) выше, чем «высокоблагородие» (*haute noblesse*)... Да и не надо объяснять. Иван Николаевич иногда с холодной иронией вспоминал, что он дворянин. К чину статского советника полагалось потомственное дворянство. Но – выслуженное. Которое, разумеется, не идет ни в какое сравнение со столбовым. Даже если бы государь назначил его ректором университета или хоть министром народного просвещения – он все равно бы не сравнялся с графом.

Иван Николаевич наверняка знал, что граф на него смотрит так же, как он на графа. Ему казалось, что он тыльными сторонами ладоней чувствует ледяное презрение и жгучую ненависть графа, когда они сидели рядом, и он смыкал руки и клал их на стол перед собою, явственно ощущая то жар, то холод.

Он понимал, что оскорбляет графа самым своим существованием, всей своей жизнью и карьерой: человек, который по рождению был обеспечен счастьем и благополучием, обязан ненавидеть человека, который всего добивался сам – и этим подрывал устои общества.

«Ибо если почета, уважения, титула и прочного дохода может добиться всякий – то что же тогда я?» – думал профессор за графа, и усмехался, и был уверен, что граф, поставь его судьба на место приснопамятного Трепова-младшего, без малейшего колебания повторил бы его приказ «патронов не жалеть», и, конечно, один такой патрон был бы предназначен лично ему, профессору Ивану Николаевичу.

Граф читал в мыслях профессора нечто подобное – сословную ненависть и сословный страх. Он смотрел на профессора и ясно понимал, что тот – окажись он на месте Камбона – призвал бы «*raix aux chaumières, guerre aux palais*»³ и вряд ли графу и всему его семейству поздоровилось бы.

Поэтому ему казалась странной добродушная и даже ласковая улыбка, с которой профессор встречал его в комнате присяжных. «Что это? – думал граф. – Наивность человека из низов, который попал в верхи и полюбил всех, кто раньше был недостижим, а теперь стал будто равен ему? Или же это циническое лицемерие? Ненависть, глухо задрапированная милой улыбкой? А может быть, просто личная симпатия, симпатия ко мне как к человеку, поверх сословий и политики?» В это поверить было трудно, однако графу хотелось думать именно так.

³ Мир хижинам, война дворцам (*фр.*).

Хотя он понимал, что это невозможно. Тем более что под доброй улыбкой профессора нет-нет да и высверкивалось что-то страшное. Городские улицы с разбитыми витринами и фонари, на которых раскачиваются повешенные городовые. В такие секунды у графа каменело лицо, и в его взгляде профессор мог увидеть казаков, которые секут нагайками бунтующих мастеровых, и даже солдат, которые стреляют по толпе.

Но, встречаясь на заседании коллегии, профессор и граф неизменно-радостно шагали навстречу друг другу, улыбались, пожимали руки, справлялись о здоровье, садились рядом и, презирая и ненавидя друг друга, негромко беседовали о погоде, о России, о Мейерхольде, Мережковском и Розанове...

Страхи

Из подслушанного в метро

– Нет. Я решил, что все-таки нет. Она РСП. Ну то есть «разведенка с прицепом». У нее ребенок. Девочка. Детсадовская. Она раньше не говорила. Целый месяц не говорила. Только я наладился, что, мол, давай вместе жить – и вчера сказала. Жалко!

– Да ладно! Что тут такого?

– Нет уж, спасибо! Мы съедемся, потом поженимся, потом поссоримся, потом разведемся, и окажется, что я эту девочку «трогал». Понимаешь? Точно говорю.

– Прямо обязательно поссоритесь и разведетесь?

– Не обязательно. Но я буду жить под страхом. Представляешь, например, жена, то есть ее мамаша, пошла в магазин, а эта девочка вбегает и кричит мне: «Дядя Саша!» – ну или даже «Папа!» «Папа, я занозу в ножку загнала!» Что мне делать? Звонить по мобильнику, орать жене: «Срочно домой, доченьке плохо»? Или скорую вызывать?

– Да брось ты! Сам вытащишь и йодом помажешь. Ты как-то усложняешь. Йодом помажь и подуй!

– Вот сам и подуй! Что я, самоубийца? Нет уж... Мне жизнь и свобода дороже. Но ведь и девочка что про меня подумает? Подумает: «Какой дурак этот дядя Саша! Урод безрукий и тупой! Не смог мне занозу из ноги вытащить! Маму дождался! Зачем мне такой новый папа?» Нет, брат. Спасибо. Проехали.

– Понятно.

– Ни хрена тебе не понятно! Остановку проехали!!!

Нормалевич-Нормалевичус ...И ни в чем себе не отказывать

Леня Гранильщикова ехал с дачи в Москву: отпросился с ночевкой. Странно звучит: обычно это на дачу из города едут с ночевкой, но тут получилась совсем другая история. Леня был в отпуске и жил на даче с женой Светочкой и четырехлетним сыном Колей. Ну и с ее родителями, конечно, – потому что это была их дача.

Леня жил на даче уже полмесяца и чуть не сдох от тоски. От долгих семейных чаепитий, от прогулок всей командой на речку, от комаров, от широкой, почти двуспальной кровати с панцирной сеткой, и от тещи, которая примерно через день забирала малыша Коленку «поспать к бабушке в комнату» – и при этом со значением взглядывала на дочь и зятя. Разве что только не подмигивала.

Но это совсем не радовало Леню.

Потому что он не любил свою жену Светочку. Она его тоже.

Эта странность случилась с ними буквально на второй неделе медового месяца, и было это еще удивительнее, чем внезапная невыносимая любовь, которая вспыхнула у них после первой же встречи. Август, ночь, веранда в парке, концерт какой-то *группы*, площадка перед сценой – и девушка в коротком платье, белые ноги, белые плечи, белые волосы, самая красивая, она как будто разметала всех вокруг и танцевала только для него – а потом, в аллее, поцелуи как ожоги – и тут же сразу всё, там была старая беседка – «никогда больше не расстанемся, никогда, поняла?» – «а ты понял?» – и буквально на завтра уговоры «мама-папа, она очень хорошая!», «мама-папа, он очень хороший!» – полтора месяца жадной, горячей, неотрывной, почти ежедневной любви – свадьба, поездка в Kisлoвoдск... И вот там вдруг ни с того ни с сего всё наоборот.

«Хватит приставать!» – постно говорила Светочка.

Леня, смешно сказать, лет с четырнадцати, когда он точно узнал, как это все устроено, – мечтал, что у него будет жена. Красивая девушка. И он сможет, то есть будет иметь полное право, смотреть на нее голую и даже трогать. Где захочет и когда захочет.

И вот пожалуйста. Домечтался.

«Хватит! – говорила Светочка, а иногда тихо шипела, чтоб мама, то есть теща, в соседней комнате не слышала. – Не приставай. Не трогай. Убери руку, сказано! Нет, нельзя. Не подсматривай, я сказала!»

«Почему?»

«Потому что „потому“ кончается на „у“!»

Светочка любила эти приговорки на уровне пятого класса. «Кто так обзывается, тот сам так называется», «стыдно, у кого видно» и все такое. Лицо у нее делалось как у злой пятиклассницы: губы в ниточку, брови вверх, глаза в сторону. Леня смотрел на нее, и ему казалось, что от той красоты, которая так его захватила на первых свиданиях, ничего не осталось. Что ножки у нее бутылочками, пальчики сосисочками, ногти копеечками, челочка лапшичкой – бээ! Как такое могло случиться? И началось еще до того, как она забеременела, а уж после рождения Коленки – вообще.

Хотя не совсем вообще.

Примерно раз в месяц она, улегшись в постель и глядя в потолок, вдруг говорила противным школьным голосом, ехидным и требовательным: «Ну и где у нас тут мужчина?» И минут через пять шипела: «Все, хватит, кому сказано!»

Конечно, любой нормальный человек развелся бы тут же. Лучше любые алименты, лучше снова жить с мамой-папой, чем такой ад. Но все-таки он к ней сильно привык за четыре года.

Главное же – Коленька, сын, такой милый, такой спокойный и ласковый мальчик. Но еще главнее само слово – «сын».

Когда сын родился, Леня чуть с ума не сошел. Все утро торчал под окнами роддома. Вечером взял три бутылки и поехал к ребятам. Напился и повторял:

«У меня есть сын! Главное – у меня есть сын!» Смутно-прекрасные мысли. Он впервые чувствовал себя взрослым, важным, сам себя зауважал – у него есть сын!

«Ура, Легран! – говорили ребята. – Наш Легран теперь папаша!»

* * *

Легран – это было институтское прозвище. Иняз, переводческий факультет. Их было четыре лучших друга. Леня Гранильщиков, то есть Легран. Сережа Замковецкий – Сезам. Дима Домоседов – Дымдым. Гриша Гуревич – Григур. Шесть лет прошло после выпуска. Дымдым успел отслужить в Африке и помереть от тропической заразы. Григур откочевал на историческую. Легран покоя ради стал «эркаистом» – преподавал РКИ, русский как иностранный. Сезам работал переводчиком в «Станкоимпорте».

Сезам год назад развелся и пока что жил один в шикарном месте, в переулке на Кропоткинской, в полувыселенном старом доме, в бывшей коммуналке, ожидая, когда дом снесут и ему дадут квартиру. Андропов еще сидел в Кремле – вернее, лежал в Кунцеве; так что по всем советским законам Сезаму полагалась жилплощадь – и ему, кстати, дали! Отдельную однокомнатную, в неплохом месте, но это потом, и вообще рассказ совсем про другое.

Пока же Сезам занимал свою прежнюю комнату и еще четыре пустых, откуда съехали соседи. В одну поставил журнальный столик и старые соседские кресла – это у него была гостиная. В другой была этажерка с книгами и пепельница на полу: библиотека и курительная. В третью он стащил брошенные бывшими жильцами фикусы и бегонии: зимний сад. А в самую большую положил циновку и гантели: спортзал. Старый семиэтажный дом был уже почти пустой, на лестницах не горел свет. «Страшно?» – спрашивали приятели. «Нормалевич! – хохотал Сезам. – Живу один в пятикомнатной квартире сто двадцать метров и ни в чем себе не отказываю! Нормалевичус!»

У него была дурацкая привычка – говорить «нормально» в виде фамилий разных народов. Нормальян, Нормалидзе, Нормальзон и так далее.

* * *

Легран на прошлой неделе приезжал в Москву – надо было купить лекарства тестю, здоровенный список. Решил позвонить Сезаму: не виделись уже полгода. Встретились на улице. Покурили, обменялись анекдотами, поржали. Потом Легран стал подробно жаловаться на тоску своей дачной и вообще личной жизни. Сезам усмехнулся и долго смотрел куда-то вбок.

– Ты чего? – Легран легонько потыкал его кулаком в плечо.

– Я не просто молчу, я думаю, – ответил Сезам; помолчал еще полминуты, потом сказал: – Вижу, ты у меня совсем прокис. Ничего! Устроим маленький праздник. Ну? Ты мне позвони послезавтра. Но не с утра. У вас там на даче телефон есть?

– Откуда, ты что!

– Ну на станции?

– Да. Автомат вроде есть.

– Ну вот. Ладно. Пока.

* * *

Легран позвонил.

Сезам сказал, что ждет во вторник, в семь вечера. Есть две подруги, Марина и Тамара. Интеллигентные девушки. Все будет нормализде.

Легран что-то наплел Светочке про встречу институтских друзей: кто-то приехал из другого города, у кого-то кончилась загранкомандировка, все такое; Светочка не стала особо вслушиваться и отпустила его легко. С ночевкой, что характерно. Он еще раз посетовал в уме на Светочкино безразличие. Смешно. Потому что ехал в Москву ясно зачем.

На станции в магазине продавали итальянский вермут. Легран взял две бутылки. Сидел в электричке и готовился – вспоминал свежие анекдоты и смешные случаи из жизни, чтоб понравиться девчонкам. Очаровать, обаять, соблазнить...

Лифт у Сезама работал, слава богу, а то на шестой этаж с потолка четыре метра – это как на десятый в нормальном доме. Зато дверной звонок не отзывался. Легран постучал. Сезам крикнул: «Открыто».

Легран, как вошел в прихожую, сразу начал громко что-то смешное говорить Сезаму – чтоб девушки услышали и начали очаровываться. Но Сезам сидел один в своей «библиотеке-курильной», она же кабинет. Был в мятых трениках и листал бумаги.

Пробурчал:

– Прости, тут надо один документик досмотреть.

Поднял голову на Леграна:

– Да, а вот эта Тамара не придет. Не смогла. Куда-то в загород увистала.

Так и сказал: «в загород». Нарочно, наверное.

Легран пожалел, что не позвонил со станции. Получается, что зря мотался.

– Но ты не кисни, – бормотал Сезам, карандашом черкая в бумагах. – Не журысь, хлопчику, все нормалевич-нормальзон. Дай пять минут буквально... И поедем.

– Куда?

– Как это куда? За Маринкой, куда-куда!

У Сезама была машина, кстати говоря. «Жигуль» второй модели.

* * *

Эта Маринка встретила их в халатике. Видно, она совсем не торопилась с ними ехать. Легран опять затуманился и разозлился: сначала Сезам наобещал, потом одна из двух не пришла, потом за другой пришлось ехать полчаса, а она еще не собралась.

Сезам, напротив, был бодр и весел. Он сказал:

– Мадам! Permettez-moi de vous présenter mon ami monsieur Legrand!⁴

Она протянула руку и сказала:

– Хау ду ю ду! Ой, в смысле бонжур!

Она на самом деле подумала, что он Легран, иностранец, француз!

Легран поклонился и прикоснулся губами к ее руке.

– Мерси! – улыбнулась она.

Сезам захохотал.

– Месье Легран, или по-нашему – Леня Гранильщикова! Ле Гран, понятно?

⁴ Позвольте вам представить моего друга месье Леграна (*фр.*).

– Ну ты хохмач! – засмеялась она. – А я, как дура, поверила! Здравьете, Леонид! Марина меня зовут.

– Очень приятно. А я просто Леня и на «ты».

– Нет уж пардон-пардон! – она всё смеялась. – Первое слово дороже второго! Всё! Будешь у меня месье Легран! – и чмокнула Леню в щеку. – Сейчас, ребята, пять минут...

Она в кухне гладила платье – легонькое, летнее, светлого брезентового цвета, тогда была такая мода. На платье было много кармашков, клапанов и отворотов, и она их проглаживала подробно и тщательно, побрызгивая водой из специальной бутылки с дырчатой пробкой. Легран даже разозлился: ну сколько можно! Тут пять минут, там пять минут. Опять подумал, что вся его жизнь – серия сплошных неудач, провалов и проколов, мелких и средних. Крупной неудачи не было, потому что крупного дела в его жизни не было тоже.

А она спокойно болтала с Сезамом, жаловалась, что сегодня был дико тяжелый день на работе. Легран испугался: вот сейчас она скажет, что устала, и не поедет. Или ей кто-то вдруг позвонит – и облом.

Но нет. Она сняла платье с гладильной доски, выключила утюг и пошла в комнату переодеваться.

Легран тихонько спросил у Сезама, сколько ей лет. «Лет сорок», – сказал Сезам. Легран слегка оробел: ему-то было двадцать девять. Но выглядела она просто чудесно. Небольшого роста, очень стройная, даже сквозь халат понятно. А когда она, наконец, вышла уже одетая и чуть подкрашенная – просто как статуэтка. Чудеса.

* * *

Сидели у Сезама в его так называемой гостиной, в низких креслах с деревянными подлокотниками – рухлядь, оставленная соседями. От истертой обивки пахло старой пылью. Пили вермут, разбавляли его газировкой, закусывали конфетами и яблоками. Легран выложил все припасенные анекдоты, шутки, байки и даже сценки: он умел рассказывать в лицах. Особенно про Брежнева. «Дорохые товарищцы, друзья!» Все хохотали. Марина прямо закатывалась от смеха.

– Серенький, всё! – вдруг сказала она Сезаму. – Всё, считай, что я с тобой в ссоре! Я на тебя обиделась! Потому что ты от меня прятал своего друга! Такого человека!

Она сбросила босоножку и пальчиками с красными ноготками пощекотала Леграну колено.

– Друзья! – сказал Сезам. – Продолжим разговор в спальне!

Она ушла в ванную, а Сезам с Леграном пошли стелить постель. Легран спросил:

– Какая у нас, так сказать, формула боя?

– То есть? – Сезам встряхивал свежую простынку, надевал свежую наволочку, молодец какой. – Не понял.

– В смысле, ты сначала, я потом? Или как? Я тебя в той комнате подожду, да?

– Вместе, вместе! – засмеялся Сезам. – All together, boys and girls!⁵

* * *

Чего тут говорить и описывать? Классно. Супер. Как на картинках, и даже лучше. Потому что в реальности, по-настоящему. Легран предавался наслаждениям на полную катушку, мельком вспоминая Светочку – причем Светочку в обеих ипостасях. Ту, давнюю, досвадебную,

⁵ Все вместе, мальчики и девочки (англ.).

горячую и неустанную – и вот эту, постную и издевательскую. Светочка мелькала где-то сбоку его мыслей – а так-то он только жалел, что скоро утро и все закончится. Рядом пыхтел жилистый, мускулистый Сезам, и было приятно смотреть, как он обнимает Марину. Как они вместе ее обнимают. Легран сильно жмурился, а потом резко открывал глаза, чтобы убедиться – это не сон, это на самом деле. Думал: как бы намекнуть Сезаму, что не худо бы повторить через недельку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.